

Слепой. Обратной дороги нет

Автор:

[Андрей Воронин](#)

Слепой. Обратной дороги нет

Андрей Николаевич Воронин

Слепой #42

Глебу Сиверову, спецагенту ФСБ по кличке Слепой, не поручают простых заданий. И в этот раз, чтобы выйти на след албанских террористов, раскрыть запутанное преступление и предотвратить новое, он должен сопровождать бесценные картины из Третьяковской галереи. В пути может случиться всякое, и Глеб готов к неожиданностям. Но события развиваются так стремительно, что ему остается только следовать за ними.

А обратной дороги нет...

Андрей Воронин

Слепой. Обратной дороги нет

© Составление. Оформление ООО «Харвест», 2008

Глава 1

Дорога узкой темной лентой вилась вдоль серого каменного склона горы, который правильнее было бы назвать не склоном, а стеной – такой он был

крутой, почти отвесный. Слева, за низким и прочным металлическим ограждением, жутковато голубела пропасть, ежемесячно, чуть ли не ежедневно, взимавшая с проезжающих по серпантину налог человеческими жизнями и искореженными, смятыми в лепешку автомобилями. Иссеченный глубокими трещинами, крошащийся каменный склон справа от дороги пестрел жалкими букетиками искусственных цветов и установленными длинной цепочкой миниатюрными надгробиями с именами и фотографиями тех, чьи мечты и стремления пошли в зачет этого страшного налога. Надгробия, под которыми никто не покоился, стояли по одному и группами – в зависимости от того, сколько живых душ находилось в салоне сорвавшегося в пропасть автомобиля. Где с серпантина слетел рейсовый автобус, их было несколько десятков, и это впечатляло – впрочем, как и многочисленные проломы в дорожном ограждении. Искореженные, разорванные страшным ударом стальные полосы гостеприимно изгибались в сторону обрыва, и вид их будил воображение: представлялись картины, от которых мороз подирал по коже и шевелились волосы на голове.

Человек, сидевший за рулем потрепанной малолитражки «юго», ехал по этой дороге далеко не впервые, а потому обращал на эти свидетельства бренности всего земного внимания не больше, чем на давно приевшиеся красоты здешнего сурового пейзажа. Он знал эту дорогу как свои пять пальцев и вел машину с беспечной лихостью истинного серба, привыкшего больше полагаться на удачу, быстроту реакции и покровительство своего святого, чем на тормоза обильно капающей маслом, бренчащей малолитражки.

Печка в машине работала плохо – как, впрочем, и все остальные узлы и агрегаты, – и в салоне было, мягко говоря, не жарко. Короткое шерстяное пальто водителя было застегнуто до самого верха, длинный белый шарф плотно обвивался вокруг шеи – он был не столько модным аксессуаром, сколько защитой от зимнего холода. Руки в кожаных перчатках уверенно лежали на руле; время от времени водитель энергично шевелил мерзнувшими пальцами. Из многочисленных щелей тянуло ледяным сквозняком. Чтобы согреться, водитель закурил сигарету. Во время этой процедуры его густо забрызганная дорожной грязью ярко-желтая «юго» опасно вильнула, будто вознамерившись проверить на прочность стальное ограждение над обрывом, но тут же вернулась на свою полосу, повинувшись нетерпеливому движению сжимавшей баранку руки. В следующее мгновение из-за поворота навстречу ей вынырнул полупустой рейсовый автобус, несущийся под уклон, как и всякое транспортное средство в здешних местах, с самоубийственной скоростью. Сквозь огромное ветровое стекло было видно, как его смуглый черноволосый водитель, оживленно жестикулируя чуть ли не обеими руками одновременно, что-то горячо

рассказывает сидящему рядом с ним человеку – то ли напарнику, то ли просто знакомому. На дороге он, понятное дело, почти не смотрел.

Автобус с шумом пронесся мимо в облаке пара, выхлопных газов и летящей из-под колес грязи. Все это добро, естественно, осело на ветровом стекле малолитражки, сделав его совершенно непрозрачным. Даже не думая сбрасывать скорость, водитель «юго» оторвал от руля руку с дымящейся между пальцами сигаретой и передвинул рычажок на рулевой колонке. «Дворники» неохотно, рывками поползли по стеклу, со скрипом протирая в грязи мутное окошко. Стеклоомыватель отозвался на нажатие кнопки двумя вялыми струйками, которые тут же иссякли – бачок был пуст. Сквозь коричневую муть впереди показался еще один крутой поворот, и водитель преодолел его, почти ничего не видя, с небрежной уверенностью опытного гонщика – преодолел, увы, не за счет своего мастерства, а за счет все того же слепого везения.

Он был неглуп и отлично понимал, что в один далеко не прекрасный день везение ему изменит – изменит так же, как тем, чьи портреты безмолвно глядели ему вслед с крошащейся каменной стены, – но относился к этому с философским спокойствием. Смерти все равно не избежать; она наступит в заранее определенный день и час, минута в минуту, и способа отсрочить то, что написано на роду, не существует. Он дрался с албанцами в Косово, пережил натовские бомбежки и многое, многое другое. Он точно знал цену человеческой жизни; цена эта колебалась в зависимости от курса доллара и цен на оружие, боеприпасы и горючее, но, несмотря на все эти колебания, всегда оставалась мизерной: цена автоматной пули, цена осколка ручной гранаты, цена прохуdivшейся резиновой трубки, из которой капля за каплей вытекает тормозная жидкость, цена удара ножом из-за угла – цена собачьего дерьма, одним словом. Дорожить жизнью в мире, где от тебя ничего не зависит, – бессмысленная трата нервных клеток, а сидевший за рулем старенькой «юго» человек не любил бессмысленных действий.

Сигарета дымилась в уголке его красиво очерченного рта. Дым щипал левый глаз, заставляя щуриться, и ни капельки не согревал. Водитель вынул сигарету изо рта и стряхнул с нее пепел, нимало не заботясь о том, куда он упадет. Изношенный движок упрямо тарахтел, вращая обутые в давно облысевшую резину, тронутые ржавчиной колеса. Одно было хорошо: непривычно низкая для здешних мест температура воздуха почти на сто процентов гарантировала, что двигатель не перегреется на кажущемся бесконечным подъеме. Но и это водителя тоже не очень-то волновало: машина, как и он сам, привыкла к крутым

и извилистым горным дорогам. Даже летом, в самое пекло, она так же уверенно карабкалась по серпантину, тархтя и отчаянно дымя, в то время как новехонькие русские «Лады», а порой и европейские автомобили – те, что постарше, – стояли, остывая, с поднятыми капотами в редких придорожных «карманах».

Долина, по дну которой, извиваясь, текла невидимая с дороги река, заметно сузилась. Теперь водитель увидел на противоположной стороне ущелья тонкую нитку железной дороги, которая, вынырнув из круглого, облицованного бетонными плитами устья тоннеля и перемахнув через бездонную расселину по ажурному стальному мостику, скрывалась в новом тоннеле. Где-то здесь, недалеко от Подгорицы, около месяца назад произошла катастрофа: везение изменило машинисту пригородного поезда, и на крутом вираже состав нырнул в пропасть со стометровой высоты. Позже следствие установило, что машинист не сбросил скорость перед поворотом... как будто, пропади оно все пропадом, могла существовать какая-то иная причина! Ведь и сам машинист, и его помощник были сербами, а значит, обожали быструю езду и точно знали, что человеческая жизнь ничего не стоит...

«Дворники» все еще со скрипом возили изношенными резинками по ветровому стеклу, ровным слоем размазывая грязь. Их судорожные движения раздражали, а толку от них не было почти никакого: дорога впереди виделась как будто сквозь густой грязно-коричневый туман. Нужно было остановиться и протереть стекло специально припасенной для такого случая тряпкой, но остановиться было негде: справа до самого неба громоздилась отвесная, схваченная металлической сеткой, крошащаяся скала, а слева манила, приглашая отправиться в полет, обнесенная стальным барьером, без малого двухсотметровая пропасть. И – ни малейшего намека на обочину...

Водитель с раздражением выключил стеклоочистители. Щетки косо замерли посреди стекла, судорожно дернулись, подвинувшись на пару сантиметров книзу, затем дрогнули еще раз и остановились окончательно – совсем не там, где им полагалось бы находиться в выключенном положении. Ткнув окурок в переполненную пепельницу, мужчина за рулем покосился на одомер. Если верить показаниям этого прибора (который почти наверняка привирал), до ближайшей стоянки было километров пять, а то и все восемь. Остановиться здесь, на крутом серпантине, где видимость от поворота до поворота составляла от силы метров пятьдесят, было бы чем-то вроде игры в русскую рулетку. Поездки к побережью и обратно всегда здорово смахивали на эту веселую игру,

а остановка в неполюженном месте была еще одним патроном, вложенным в барабан приставленного к вису револьвера.

Уклон сделался круче, водитель почувствовал это по тому, как замедлился ход машины. Он перешел с четвертой передачи на третью раньше, чем двигатель начал спотыкаться; «юго» зарычала и, выбросив из ржавой выхлопной трубы густое сизое облако, упрямо продолжила подъем. Снега, по счастью, выпало мало: он пятнами белел на склоне, во впадинах между камнями, а на дороге его не было вовсе, что позволяло лысым покрывкам «юго» худо-бедно справляться со своей задачей. Водитель знал, что скоро дорога станет ровнее, а потом и вовсе пойдет под уклон, спускаясь с отвесной горной стены к побережью.

Там, на побережье, примерно на полпути между Котором и Баром, расположен клочок ровной земли, некогда служивший базой югославских ВВС, а с некоторых пор превратившийся в гражданский аэропорт, обслуживающий в основном туристские чартерные рейсы. Черногория – страна, давно живущая за счет туристов. Настоящей промышленности здесь нет – парочка каменоломен, разумеется, не в счет, – а земледелие в краю, где участки относительно ровной земли можно пересчитать по пальцам, сводится к выращиванию оливковых деревьев на рукотворных террасах. Зимой этот край впадает в спячку – туристам здесь делать нечего, и рейсы из единственного здешнего аэропорта отправляются крайне редко. На один из этих рейсов и намеревался успеть водитель потрепанной «юго», взятой им напрокат в Подгорице.

Билет на самолет лежал во внутреннем кармане его пальто вместе с паспортом и официальным приглашением, которое подписал секретарь московского отделения Общества российско-сербской дружбы.

Смуглое бородатое лицо водителя расплылось в невольной улыбке. Ощущать себя официальным лицом, представителем международной общественной организации было ему в новинку, но он полагал, что как-нибудь справится с поставленной задачей, не ударит лицом в грязь. Тем более что никаких дипломатических ужимок от него в Москве не потребуется – все давно обговорено, решено и подписано без него. Ему же останется только с умным видом валять дурака на публике, отработывая обязательную программу – паратройка официальных заседаний с заученными речами, экскурсия по Москве, непременно «Лебединое озеро» в Большом театре, банкет – скорее всего не один... Итого – три дня активного отдыха за счет принимающей стороны; три дня публичного, не слишком обременительного лицедейства, призванного

замаскировать простой и будничным факт передачи из рук в руки некоего чемодана, содержимое которого поможет хотя бы отчасти разрешить некоторые давно наболевшие проблемы – в Косово, например, и не только там...

При мысли о том, как будут решаться упомянутые проблемы, руки в тонких кожаных перчатках с огромной силой сжали руль, а темно-карие, почти черные глаза превратились в узкие щелочки, как будто водитель смотрел на врага через прорезь автоматного прицела. На скулах заиграли желваки, извилистый шрам на левой щеке побелел, став заметнее, чем обычно. Лиха беда начало; обремененные собственными проблемами, русские не могут, как встарь, помочь сербским братьям выбить мусульманских захватчиков с их земли, не могут открыто встать плечом к плечу с единоверцами и скрепить вековую дружбу вражеской кровью. Политика, чтоб ей пусто было... Но политика – палка о двух концах. Русские деньги будут использованы с умом; судя по тому, как обставлена переброска денег, начавшийся процесс управляется с российской стороны весьма влиятельными лицами, и в дальнейшем можно ожидать новых поступлений.

Политика!

Водитель «юго» не без удовольствия предвкушал эти три дня в Москве, где до сих пор ему не довелось побывать ни разу. Конечно, русские поступили не очень-то красиво, оставив сербских братьев один на один с натовскими бомбардировщиками и кровожадными бандами албанских боевиков, однако их можно было понять: после распада Советского Союза им самим приходилось несладко и от былой военной мощи остались одни воспоминания. Как ни крути, они были сербам братьями, а между братьями случаются и размолвки, и ссоры... и примирения. К тому же правительство и народ не одно и то же. Бородатый водитель «юго» знал об этом не понаслышке: в отряде, которым он когда-то командовал, русских было чуть ли не два десятка – добровольцев, приехавших бескорыстно помочь братьям, всеми правдами и неправдами просочившихся через границы и кордоны и бившихся так, словно они защищали родной дом.

Рукой в перчатке он дотронулся до шрама на щеке. Если бы не русский парень, москвич по имени Юра, дело не обошлось бы одним только шрамом. Вообще-то, албанец, оставивший Слободану Драговичу эту памятную отметину, имел явное и недвусмысленное намерение перепилить ему глотку своим зазубренным тесаком. Поскольку Слободан в тот момент был оглушен взрывом и не вполне соображал, на каком свете находится, этот кровожадный замысел имел все

шансы на успех... Если бы не Юра, раскrojивший ублюдку череп прикладом своего разряженного автомата, а затем на плечах вынесший серба из-под шквального огня. Где он сейчас, что делает? Собираясь в эту поездку, Слободан Драгович отправил по оставленному Юрой адресу письмо, но ответа не получил...

Встречный грузовик снова залепил ветровое стекло грязными брызгами. Беззлобно выругавшись, Драгович включил «дворники» и машинально вдавил кнопку пустого стеклоомывателя. Где-то под капотом противно заныл работающий вхолостую электрический моторчик, сопла разбрызгивателя выплюнули по паре капель, и этим дело кончилось. Моющей жидкости, чтобы наполнить бачок, у Слободана не было, зато в дорожной сумке лежала бутылка минеральной воды. На худой конец сойдет. Пока эта керосинка на ходу, тепло от мотора не даст воде в бачке замерзнуть, а потом хоть трава не расти – добравшись до аэропорта, он просто бросит драндулет на стоянке, откуда его заберет сотрудник прокатного бюро. И если у этого умника на обратном пути возникнут проблемы с очисткой ветрового стекла, претензии пусть высказывает своему начальству в Подгорице... если везение ему не изменит и он доберется до столицы живым.

Впереди, едва различимая сквозь размазанную по стеклу грязь, показалась стоянка – просто треугольный пяточок каменистой земли в естественной выемке скалы, местечко, где можно было остановиться, не рискуя быть размазанным по шоссе вынырнувшим из-за поворота попутным грузовиком. Там уже стояла одна машина – точно такая же трехдверная «юго», как и та, на которой ехал Слободан, только не желтая, а грязно-белая. Капот был поднят, из-под него, как водится, торчал обтянутый джинсами зад водителя. Сворачивая на стоянку, Драгович даже сквозь покрывавшую ветровое стекло грязь разглядел оставленную белой «юго» дорожку пролитого моторного масла. Черные масляные пятна свежо блестели; на каменистой почве рядом с передним колесом стояла пятилитровая пластиковая канистра дешевого «маннола». Зрелище было привычное; по правде говоря, Слободан сильно подозревал, что и ему не мешало бы проверить уровень масла в поддоне. Да только что с того? Запасной канистры-то у него все равно нет! Разве что перекупить у владельца белой «юго» остатки его «маннола»... Впрочем, имея такую течь, как у него, сам Слободан ни за что не расстался бы даже с сотней граммов моторного масла: человеколюбие – это, конечно, хорошо, а своя рубашка к телу ближе.

Он загнал машину на мизерную стоянку с беспечной ловкостью ветерана горных трасс, едва не задев крылом торчащий из-под капота белой «юго» зад водителя. Но тот даже ухом не повел, из чего следовало, что он также имеет честь быть достойным сыном сербского народа. Изо всех сил надавив на вяло реагирующую педаль тормоза, Слободан остановил свой тарахтящий драндулет в каком-нибудь сантиметре от растрескавшейся каменной стены и как следует затянул ручной тормоз. Надежнее было бы поставить машину на первую передачу, но для этого следовало заглушить мотор, а Слободан не без оснований побаивался, что снова завести его окажется непросто. Поэтому, выбравшись из машины с грязной тряпкой в руке, он первым делом подобрал на обочине подходящий по размеру камень и сунул его под заднее колесо. При том что площадка была почти ровная, можно было надеяться, что теперь машина никуда не денется.

Зайдя спереди, Драгович принялся протирать грязное ветровое стекло. Грязь уже успела подсохнуть и вытиралась легко, не размазываясь. Водитель другой машины все возился под капотом; «Привет, земляк!» – крикнул ему Слободан, и тот, не оборачиваясь, приветственно поднял в ответ перепачканную ладонь с зажатым в ней куском промасленной ветоши. Помощи он не просил, и это было хорошо. Конечно, в случае необходимости Слободан сделал бы для попавшего в беду земляка все, что было в его силах, но тогда самолет почти наверняка улетел бы без него. Если бы не это, Драгович сам предложил бы незнакомцу помощь, но в теперешней ситуации предпочел промолчать – слишком многое зависело от благополучного завершения этой поездки.

Кое-как оттерев лобовик, Слободан распахнул правую дверцу, бросил грязную тряпку на резиновый коврик и достал из сумки пластиковую полуторалитровую бутылку минеральной воды. С треском отвернув колпачок, он сделал пару глотков из горлышка, радуясь тому, что, покупая питье в дорогу, остановил свой выбор на минералке, а не на какой-нибудь пепси-коле. Хорош бы он был, пытаясь смыть грязь с ветрового стекла двумя струйками сахарного сиропа!

Он поднял капот, закурил и наклонил бутылку над горловиной пластикового бачка стеклоомывателя. Минералка, пузырясь и булькая, потекла в пустую емкость. От работающего двигателя тянуло сухим теплом. Отвесные скалы обступали крошечную стоянку со всех сторон; они были так высоки, что их верхний край даже на противоположной стороне пропасти можно было разглядеть, только запрокинув голову. Из-за этого создавалось довольно странное впечатление: казалось, что Слободан Драгович остановил свою машину не под открытым небом, а в огромном и мрачноватом помещении с очень

высокими потолками, вроде гигантского и основательно запущенного готического собора.

Перелив воду в бачок, он бездумно отбросил опустевшую бутылку, и ветер покатил ее по каменистой земле стоянки. Бутылка выкатилась на дорогу, пересекла проезжую часть и чуть было не свалилась в пропасть, но застряла, упершись в пучок жесткой сухой травы, пробившейся из трещины в камне возле стальной опоры ограждения. Слободан с лязгом захлопнул капот и стрельнул окурком в сторону бутылки, но, конечно, не попал – зимний ветер сбил чересчур легкий метательный снаряд с курса, заставил его по дуге уйти в сторону и ткнуться в растрескавшийся асфальт. Окурком рассыпался снопом искр, который вытянулся по ветру, почти параллельно земле, и тут же погас.

Проводив его взглядом, Драгович повернулся, чтобы напоследок посмотреть, как дела у соседа. Тот, похоже, уже устранил неисправность, а может быть, просто отчаялся решить проблему своими силами. Как бы то ни было, он уже выбрался из-под капота и теперь стоял к Слободану лицом, вытирая грязные руки куском ветоши. Роста он был примерно такого же, да и фигурой походил на него – те же широкие плечи и узкие бедра при отсутствии лишней мышечной массы, которая от нечего делать приобретается в тренажерных залах. Одет он был в джинсы и короткую теплую куртку; длинные, как у самого Драговича, и такие же темные волосы рассыпались, почти полностью скрывая смуглое лицо.

– Все в порядке, друг? – спросил Слободан, чтобы не показаться невежливым.

– Да, – ответил незнакомец, – все в порядке.

Он тряхнул головой, отбрасывая со лба волосы, и Слободан увидел его лицо. Оно показалось ему странно знакомым; он был почти уверен, что видит это лицо чуть ли не ежедневно, но при этом никак не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах это происходит. Смуглая кожа, темные глаза, густые черные брови, аккуратно подстриженные усы и борода вызвали чувство похожее на дежа вю; Драгович открыл рот, чтобы поведать незнакомцу о своем недоумении, но тот вдруг слегка повернул голову, позволив Слободану увидеть свою левую щеку. Там, на щеке, виднелась извилистая полоска шрама, которую ни с чем нельзя было перепутать.

– Что это значит? – спросил Драгович, поняв, что смотрит на себя самого.

Вопрос был лишний; Слободан понял это раньше, чем незнакомец, казавшийся его зеркальным отражением, вынул из кармана своей короткой зимней куртки пистолет. Не тратя времени на восклицания и мелодраматические жесты, Драгович бросился бежать – мимо своей машины, через дорогу и дальше, к пропасти. Прыжок с двухсотметрового обрыва, конечно, не мог его спасти, зато, если бы Драгович успел, замысел его двойника рассыпался бы как карточный домик. Такая смерть превратила бы всю эту рискованную затею в пустую трату времени, поэтому Слободан Драгович бежал изо всех сил.

Это был жест отчаяния, бесполезный, как все подобные жесты. Резкий ветер подхватил и унес к перевалу звук одинокого выстрела, медная гильза звякнула, ударившись о блок цилиндров белой «юго». Пуля настигла Слободана Драговича в полтора метра от разделительной полосы. Она попала в затылок, вызвав мгновенную смерть, и сведенное страшной судорогой тело рухнуло на асфальт с глухим деревянным стуком, прямое и твердое, как сосновое полено.

* * *

– Ты понимаешь, что без ножа меня режешь? – раздраженно спросил Гаврилыч.

Он умел разговаривать, почти не шевеля губами, а чувства свои всегда скрывал так, словно их у него и вовсе не было. За это начальника службы безопасности казино «Фортуна» Алексея Гавриловича Одинцова за глаза называли Деревом – только те, разумеется, кто плохо его знал, а таких было большинство.

Юрий Алехин относился к числу тех немногих, кто понимал Гаврилыча хорошо и был способен угадать, что он чувствует в той или иной ситуации. При том что лицо начальника охраны, как всегда, ничего не выражало, а голос звучал спокойно и ровно, как магнитофонная запись в вагоне метро, Юрий видел, что Гаврилыч не просто раздражен, а почти взбешен.

– Все понимаю, Гаврилыч, – сказал он виновато. – Но это же всего на пару часов. За это время никто даже нарезать как следует не успеет.

Гаврилыч коротко дернул щекой, что, по идее, должно было выражать ироническое сомнение. Действительно, пара часов – срок приличный. Если хорошенько постараться, за это время можно успеть и напиться вдрызг, и

проиграть все, что у тебя есть, вплоть до нижнего белья, и даже устроить по этому поводу громкий дебош с ломанием мебели и битьем зеркал. Что уж говорить о попытке ограбления, которое в большинстве случаев просто невозможно предвидеть!

– Прости, Гаврилыч, – снова заговорил Юрий, предвосхищая очередной вопрос начальника, – так вышло, что предупредить заранее я не мог. Сам ничего не знал до сегодняшнего дня, представляешь? Людка, зараза... Мы ж полгода как развелись, ты в курсе? Ну вот... Почта на мое имя до сих пор на старый адрес приходит. Письмо уже месяц на полке в прихожей валяется, а она, видишь ли, только вчера о нем вспомнила! Слава богу, что не выбросила... Ну, я читаю: туда-сюда, общество российско-сербской дружбы, возможно, приеду, когда – пока неизвестно... Ну я в это общество: так, мол, и так, не в курсе, когда такой-то приезжает? А они мне и поднесли сюрприз: сегодня, в девятнадцать двадцать! Не хотели, суки, говорить, насилие добился. Ну, пойми, не могу я его не встретить! Ведь снова потеряемся, Гаврилыч! Такой случай раз в жизни бывает!

Гаврилыч, который до сих пор смотрел прямо перед собой в кирпичную стену с таким пристальным вниманием, словно силился разобрать начертанные на ней невидимые письма, повернул голову и посмотрел на Юрия с некоторым интересом.

– Кто он тебе?

Алехин поскреб макушку.

– Да как сказать – кто? Кто... Воевали мы вместе – видишь, какая ботва.

– Где?

– Воевали-то? Да, гм... Ну... Словом, там. У них.

– И что? – спросил Гаврилыч, поджигая сигарету.

Необычная разговорчивость начальника охраны приободрила Алехина: похоже, это был добрый знак. Впрочем, если бы договориться с Гаврилычем не удалось, Юрий все равно поехал бы в аэропорт. Платили в казино неплохо, но, черт

возьми, не все на свете продается за деньги!

- Понимаешь, он мне как брат. Я его, грешным делом, на своем горбу выволок...

- Откуда?

- Сам знаешь откуда, - уже немного разозленный этим флегматичным допросом, бухнул Юрий. - В лошадки мы от нечего делать играли!

- Дырка в спине у тебя тоже оттуда, рысак орловский? - хладнокровно осведомился Гаврилыч, который, по слухам, сам мог похвастаться весьма приличным набором похожих отметин.

- Не-а, - остывая, ответил Алехин, - это в другой раз. Сопляк какой-то стрельнул из-за угла... Метр с шапкой, как он этот автомат в руках удержал - ума не приложу!

- И что? - снова спросил Гаврилыч, невозмутимо дымя сигаретой.

Юрий подавил острое желание врезать кулаком прямо по этой сигарете.

- Что-что, - сдерживаясь, проворчал он. - Надавали засранцу по шее, уши оборвали и отправили к маме. Что еще с ним, сопляком, делать?

- Ну и дураки, - заметил Гаврилыч. - Маленькие засранцы имеют неприятное свойство вырастать в больших говнюков.

- Это уж точно, - согласился Юрий, так пристально глядя ему в глаза, что намек не понял бы только полный идиот. - Так ты меня отпустишь?

- А если не отпущу? - с интересом спросил начальник охраны.

- Значит, сам поеду, и можешь тогда увольнять меня к чертовой матери!

- Ответ неверный, - с непонятым Юрию удовлетворением заявил Одинцов. - Ты забыл сказать, что перед отъездом набьешь мне морду. Ладно, катись. В твоём

распоряжении, – он посмотрел на часы, – два с половиной часа. Не вернешься вовремя – пеняй на себя.

– Гаврилыч, ты – человек! – с чувством произнес Алехин.

– Да ну? – с прохладцей удивился начальник охраны, повернулся к Юрию спиной и, дымя сигаретой, зашагал прочь.

Дряхлая «семерка» долго квохтала стартером, но в тот момент, когда Алехин уже начал побаиваться, что только зря угробит новенький аккумулятор, схваченный жестоким морозом двигатель все-таки ожил и заревел так, что случайные прохожие испуганно шарахнулись в стороны. Водитель поспешно сбросил газ, включил указатель поворота, врубил передачу и осторожно тронул машину с места. Громко хрустя смерзшимся снегом, «семерка» выбралась из грязного сугроба на расчищенную дорогу и, понемногу набирая скорость, покатила в сторону аэропорта.

К счастью, желающих выехать из Москвы на ночь глядя, да еще в такую погоду, было совсем мало, и Юрий вырвался на Кольцевую, ни разу не угодив в пробку. Он гнал машину так быстро, как это позволяли дорожные условия, предвкушая скорую встречу с боевым товарищем. Конечно, Слободан прибывает в Москву как официальное лицо и наверняка будет сильно занят, однако не может такого быть, чтобы он не выкроил вечерок для старого друга! Зная Драговича, Юрий мог предположить, что в чемодане у него почти наверняка припасена литровая бутылочка «сербской лютой» – чистой, как слеза, пятидесятиградусной водки, которую можно пить литрами, почти не пьянея, и которая зато в полный голос заявляет о себе наутро. Да как заявляет!..

И лежит эта заветная бутылочка в углу чемодана, конечно же, не для какого-нибудь чинуши из общества какой-то там дружбы, а для настоящего, проверенного огнем и кровью друга – для Юрия Алехина, и ни для кого больше. И выпита она будет не в дорогом кабаке, не под стук столовых приборов, рев ресторанной музыки и бессмысленные заверения в вечной дружбе двух братских народов, а с глазу на глаз, в полутемной прокуренной кухне, под задушевный разговор о том, что дорого обоим – так дорого, что дороже этого нет ничего на всем белом свете...

Алехин представил себе этот разговор и будто наяву услышал полузабытые звуки сербской речи, которая только поначалу кажется непонятной, а когда к ней чуть попривыкнешь, становится почти неотличимой от родного русского языка. Они и пишут-то почти по-русски, кириллицей, только вот в последнее время зачем-то выдумали писать то же самое латинскими буквами – повторяют, значит, для особо тупых приверженцев западного образа жизни...

В аэропорту он втиснул машину на вечно переполненную, покрытую перемолотым колесами грязным снегом стоянку, запер дверь и поспешил в зал ожидания. Здесь он узнал, что чартерный рейс из Черногории прибывает по расписанию, благо погода стояла хоть и морозная, но ясная и безветренная, как по заказу. Это означало, что он вполне успеет перекинуться со Слободаном парой слов, дать ему свой новый адрес и номер телефона и условиться о встрече, а потом вернуться в казино за добрых полчаса до истечения установленного Гаврилычем срока.

Встречающие из общества российско-сербской дружбы были тут как тут – два мордатых мужика, с виду стопроцентные зажавшиеся чинуши, и толстая некрасивая тетка в очках – такая же чинуша, как ее коллеги, разве что не в штанах, а в юбке. Тетка была при цветах, а один из мужиков маялся с картонным плакатиком, на котором красовалась выведенная толстым маркером надпись по-сербски: «Слободан Драгович». Фамилия была написана с ошибкой, но Алехин не стал подходить к этой компании и указывать на неточность: ему хватило недавнего телефонного разговора. Человек, у которого Алехин пытался узнать время прибытия Драговича в Москву, ни в какую не желал делиться с ним информацией, как будто это был невесть какой оборонный секрет, и сдался только после того, как Юрий пообещал приехать к нему в офис лично и изукрасить его, как Бог черепаху. Видимо, это обещание прозвучало убедительно, а охрана офиса оставляла желать лучшего, так что нужную информацию Юрий все-таки получил. Он не исключал, что его телефонный собеседник находится среди встречающих, и потому старался держаться от этой компании подальше – как говорится, во избежание ненужного кровопролития.

Он стоял в сторонке, разглядывая троих деятелей, претендовавших на монополию в области российско-сербской дружбы, и гадал, что связывает Слободана с этими людьми. Впрочем, даже он, простой солдат, понимал: в наше время худой мир лучше доброй ссоры. Автомат хорош, когда враг стоит у твоего порога и надо дать ему по зубам, да так, чтоб уши отклеились. Еще он незаменим, если ты взываешь о помощи, а все кругом притворяются глухими,

если надо обратить на себя внимание, заставить больших людей прислушаться к тому, что ты можешь им сказать. А вот, когда эта цель достигнута, наступает самое время забросить оружие за спину и заняться политикой. Потому что, если этого не сделаешь ты, за тебя это сделают другие – те, кому глубоко плевать и на тебя, и на твой автомат, и на дырки в твоей шкуре, и на то, что ты хотел сказать всему миру. Профессиональные политики, любители загребать жар чужими руками, уж они-то своего не упустят! Поэтому Слободан, наверное, правильно поступил, сменив камуфляж на деловой костюм и занявшись политикой. Тем более что он из тех, кто, если понадобится, в любой момент готов вынуть свои походные сапоги из шкафа и доказать всем желающим, что не разучился управляться с ручным автоматическим оружием...

«Да наплевать на все это! – подумал Юрий, присаживаясь на мягкий диванчик в углу и нетерпеливо поглядывая на часы. – Политик, бизнесмен, охранник в казино – какая разница? Слободан – такой парень, на которого можно положиться, в какую одежду его ни наряди!»

Он знал, конечно, что люди меняются под воздействием обстоятельств, однако письмо Драговича, с большим опозданием переданное ему бывшей женой, было написано прежним Слободаном, который, казалось, сам еще не до конца освоился в новой для себя роли официального лица, главным оружием которого является не автомат, а хорошо подвешенный язык. Это было теплое, дружеское письмо; чувствовалось, что Слободан скучает по товарищу не меньше, чем Юрий – по нему.

Бесстрастный женский голос из репродукторов объявил, что рейс из Черногории совершил посадку по расписанию. Алехин посмотрел на часы. Опоздание составляло всего три минуты; впрочем, его часы могли спешить. Он встал с диванчика и не спеша двинулся к пассажирскому выходу, все еще стараясь держаться подальше от встречающих Драговича чинуш с их дурацким плакатом и еще более дурацким букетом. «Цветов он не дарит девчатам, они ему дарят цветы», – вспомнилось ему. Не к месту всплывшая строчка из старой песни немедленно приклеилась как банный лист и стала, бесконечно повторяясь, вертеться на самом кончике языка – того и гляди, запоешь вслух. А песенка-то и впрямь была не к месту: тем, кто погиб от албанских пуль и американских бомб, до сих пор не поставили ни одного, даже заваливающего памятника. И наверное, еще не скоро поставят, если вообще когда-нибудь соберутся это сделать...

«Плевать, – снова подумал Юрий Алехин. – Не за памятники же мы дрались, в конце-то концов...»

Пассажиров на борту сербского самолета оказалось кот наплакал, так что Слободана Драговича Юрий разглядел и узнал сразу. Он порядком изменился за эти несколько лет, даже походка стала какой-то другой. Свою вороную непокорную гриву он подстриг, так что волосы теперь не доставали до плеч, и бороду с усами тоже подровнял, облагородил – теперь это была не разбойничья бородища, в которой вечно торчал мелкий лесной мусор, а аккуратная шкиперская бородка. Даже не бородка, а скорее тщательно ухоженная щетина в модном стиле «гранж»...

Но смуглое горбоносое лицо осталось таким же, и знакомый извилистый шрам на левой щеке ничуть не изменился. Памятный был шрам. Юрий сам зашивал глубокий, до кости, порез обыкновенной швейной иглкой с самой обыкновенной ниткой, пока Слободан лежал без сознания в развалинах оставленного хозяевами дома. Зашито было, конечно, далеко не лучшим образом, но более квалифицированного хирурга, чем Юрий Алехин, в тот момент поблизости, увы, не оказалось. Зато чужие танки были рядышком, лязгали и скрежетали гусеницами чуть ли не прямо за стенкой, и не нашлось под рукой ничего, чем можно было бы по ним гвоздануть. Потому, наверное, они со Слободаном и уцелели, что гвоздануть было нечем...

Подняв ладонь в приветственном жесте, Юрий Алехин двинулся наперерез своему боевому товарищу, который уже заметил банду с букетом и плакатиком и с вежливой улыбкой направлялся ей навстречу. Алехин ускорил шаг и окликнул друга, пытаясь привлечь к себе внимание. Драгович повернул голову, скользнул по его лицу равнодушным, незнающим взглядом и спокойно прошел мимо.

«Вот дьявол, – с досадой подумал Юрий, глядя, как Слободан пожимает протянутые руки чинуш и с поклоном принимает поднесенный очкастой бабой букет, – неужели я так сильно изменился? А может, он обиделся, что я не ответил на его письмо? Да ну, не такой он дурак! Просто не узнал, только и всего...»

Действительно, с момента их последней встречи прошло уже довольно много времени, да и Юрий почти наверняка запомнился Драговичу таким небритым, вечно закопченным чучелом в камуфляже, с автоматом поперек груди и в прожженном десантном тельнике. Теперь было совсем другое дело: он

заматерел, заметно раздался вширь, обзавелся аккуратной прической и цивильным костюмчиком – словом, сделался таким же, как все, аж самому тошно.

Юрий подошел ближе и, чтобы разом покончить с недоразумением, окликнул Слободана по-сербски. Драгович повернул к нему равнодушное, слегка удивленное лицо; вместе с ним повернулись и чинуши – все разом, как по команде «равнение направо».

– Земляк? – холодноватым тоном кинозвезды, стремящейся поскорее избавиться от назойливого поклонника и в то же время сохранить лицо, спросил Драгович. Голос у него тоже был какой-то не тот. Изменился его тембр, да еще и улавливался какой-то смутно знакомый акцент, которого раньше не было и в помине. – Извините, я очень спешу.

– То есть как это «спешу»? – возмутился Алехин. – Это Юрка! Ты что, забыл меня?

– Простите, не припоминаю, – равнодушно сказал Драгович и, отвернувшись, принялся очаровывать очкастую бабищу, которая так и таяла в лучах его белозубой улыбки.

Вся компания потихонечку двинулась к выходу из терминала. Один из чиновников на правах радушного хозяина вцепился в дорожную сумку Драговича и после короткого препирательства завладел ею с видом победителя. Второй чинуша – тот, что с плакатиком, – задержался, чтобы отшить Юрия, который в полной растерянности плелся следом, не вполне понимая, куда и, главное, зачем идет.

– Ну, куда вы, куда? – раздраженно заговорил чиновник, загораживая Алехину дорогу своим дурацким плакатиком. – Вы же видите, тут не до вас!

От него за версту разило дорогим одеколоном, а главное, голос его был Юрию знаком. Именно этот голос буквально несколько часов назад хамил ему по телефону.

– Вы не понимаете, – сдерживая вполне естественный в сложившейся ситуации зуд в кулаках, терпеливо сказал ему Юрий. – Мы же были братья, я же ему жизнь спас!

– Братья, сватья, – пренебрежительно пробурчал чинуша. – Жизнь спас... И что тебе теперь надо – денег? Домой иди, пока я милицию не вызвал! Не видишь, тут официальное мероприятие!

Произнося последнюю фразу, он чувствительно пихнул Юрия в грудь своей картонкой, но Алехин этого даже не заметил.

– Что ты сказал? – вкрадчиво переспросил он, почти не слыша собственного голоса из-за внезапно начавшегося звона в ушах. – А ну, повтори, б...ская харя, что ты там проквашал про деньги?

Чинуша верно оценил ситуацию. У Юрия разом одеревенели лицевые мускулы, сведенные, будто судорогой, гримасой застарелой ненависти ко всей этой кабинетной сволочи, привыкшей свысока поплевывать на тех, кто своими телами защищает ее от пуль.

– Э, э! – испуганно воскликнул деятель с плакатом, поспешно отступая на шаг. – Ты чего, психованный? На нары захотел? Милиция!!!

– Зови уж заодно и доктора, – посоветовал ему Алехин, одним плавным шагом покрывая разделявшее их расстояние и точным, заученным движением посылая вперед налившийся чугунной тяжестью, стремительный и твердый, как пушечное ядро, кулак.

Глава 2

Скоростной лифт с мелодичным звонком причалил к площадке десятого этажа. Толчок, с которым остановилась кабина, был почти неосязаем. В окошечке электронного табло зажглась рубиновая десятка, двери беззвучно раздвинулись, и плечистый неразговорчивый охранник первым шагнул в ярко освещенный коридор.

Второй охранник, уже стоявший на страже возле шахты, едва заметно кивнул своему коллеге, сигнализируя, что все в порядке, а тот, в свою очередь, едва заметно кивнул переводчику.

– Все в порядке, синьор Манчини, – с улыбкой произнес переводчик то, что было очевидно и без него. – Можно выходить.

– Витторио, – поправил синьор Манчини, по привычке осматривая свое отражение в большом зеркале, что украшало заднюю стенку кабины. – Меня зовут Витторио. Нам с вами, Дмитрий, предстоит провести бок о бок целую неделю, поэтому, прошу вас, давайте хотя бы в неофициальной обстановке обойдемся без лишних церемоний.

Переводчик, рослый молодой человек, шириной плеч ничуть не уступавший стоявшим в коридоре охранникам, молча наклонил голову, выражая согласие. Ему было все равно, как называть высокопоставленного итальянского гостя. Если родственник самого Сильвио Берлускони, занимающий видный пост в итальянском министерстве культуры и прибывший в Москву с рабочим визитом, желает, чтобы его запросто называли по имени, так тому и быть. Тем более что назавтра он вряд ли припомнит, что после данного в его честь банкета пытался побрататься с простым переводчиком – вон, глаза в разные стороны смотрят, налился как зюзя...

Синьор Витторио Манчини действительно выпил лишнего и сам это чувствовал. Ему пришлось очень сильно сосредоточиться, чтобы отражавшаяся в зеркале смутная, расплывчатая фигура прояснилась и обрела его черты. Костюм, кажется, был в порядке, если не считать расстегнутого пиджака и неплотно затянутого галстука, а вот все остальное... м-да... Сложная конструкция из тщательно уложенных длинных прядей, призванная маскировать обширную лысину, развалилась, волосы торчали в разные стороны как попало, вследствие чего голова синьора Витторио отдаленно смахивала на голову порядком облысевшей Медузы Горгоны. Лицо нехорошо покраснелось, и синьору Витторио пришлось приложить немалое усилие, чтобы придать лицу более или менее приемлемое выражение. Он кое-как пригладил волосы, подтянул галстук и, стараясь не качаться, гордо вышел из кабины лифта. «Видал бы меня сейчас дядюшка Сильвио», – подумал он, вслед за охранником направляясь к двери своего люкса. Второй охранник топал позади, прикрывая тыл, а слева маячил долговязый секретарь, тоже, без сомнения, имевший прямое и непосредственное отношение к российским спецслужбам. На миг синьор Витторио почувствовал себя арестантом, которого под конвоем ведут в камеру. Честно говоря, в этом не было бы ничего удивительного: пить столько, сколько предлагали хлебосольные русские, синьор Витторио не привык и подозревал, что в таком состоянии мог, мягко говоря, начудить. Воспоминания о

заключительной части банкета тонули в приятном жемчужном тумане, который еще не до конца развеялся; о событиях, скрытых этим туманом, синьор Витторио не имел ни малейшего представления, а тот факт, что он добрался до отведенного ему номера на своих ногах, вызывал у него искреннее удивление пополам с гордостью: знай наших!

Это был уже не первый банкет, данный русскими в честь высокого итальянского гостя, но чиновники из министерства культуры, угощавшие синьора Витторио сегодня, превзошли всех своих предшественников. Они пили, как бурлаки; Манчини старался держать ситуацию под контролем, но его собранность и решимость постепенно утонули в море цветистых тостов, составленных таким образом, что не выпить за каждый из них хотя бы глоток было просто невозможно.

После того как номер был тщательно осмотрен сначала обоими охранниками, а затем и переводчиком (что лишний раз подтвердило догадку синьора Витторио о его принадлежности к спецслужбам), итальянец наконец остался один. Из огромного окна гостиной открывался прекрасный вид на ярко освещенную Красную площадь, и синьор Витторио, сняв пиджак и расстегнув верхнюю пуговицу рубашки, подошел к окну. Он стоял, глубоко засунув руки в карманы брюк, слегка покачиваясь от выпитого, и любовался видом, столь же знакомым по фотографиям и открыткам, сколь и чужим – непривычным глазу теплолюбивого сына солнечной Италии. Снег лежал на зубьях кремлевской стены и на пушистых лапах голубых елей; солдаты почетного караула, неподвижные, как изваяния, прятались от лютой стужи в открытых прозрачных будках. Уши их зимних шапок были подняты, синьор Витторио видел это даже с десятого этажа, и при мысли о том, каково сейчас приходится этим краснощеким крепышам в парадных шинелях, он зябко передернул плечами.

Порывшись во внутреннем кармане висевшего на спинке кресла пиджака, синьор Витторио выудил оттуда сигару, небрежно, вопреки укоренившейся привычке, скусил кончик, выплюнул его на ковер и чиркнул зажигалкой. От дыма его замутило, но это ощущение быстро прошло. Он подумал, что надо бы еще раз просмотреть документы перед завтрашней встречей в российском правительстве, но тут же отказался от этой мысли. Документы готовил не он, а помощники дядюшки Сильвио, и не ему было вносить в эти бумаги поправки. Но даже если бы синьор Витторио имел такие полномочия, мыслительная работа в данный момент была ему явно не под силу: уж очень хорошо постарались деятели русской культуры, знакомя его с некоторыми традициями своего

великого народа...

Разумеется, никакой алкоголь не мог помешать синьору Манчини справиться с поставленной перед ним задачей. Так, по крайней мере, считал сам Витторио. В конце концов, он недурно разбирался в живописи и, кроме того, очень надеялся, что ни в Третьяковской галерее, ни в Пушкинском музее, ни в Эрмитаже, который он намеревался посетить через несколько дней, его не станут прямо с порога накачивать водкой. А если попытаются, он просто-напросто откажется: дескать, прошу меня простить, но прибыл я к вам все-таки по делу, а у нас в Италии делами принято заниматься на трезвую голову...

Поймав себя на этой мысли, синьор Витторио понял, что пьян даже сильнее, чем ему казалось. Что за чепуха, в самом деле?! Можно подумать, что русские действительно спаивают его с каким-то злым умыслом... Но это же бессмысленно! Витторио Манчини ничего не покупает и ничего не продает, и русские не получают никакой выгоды, даже если все время своего визита он проведет, валяясь на полу в гостиничном номере и дыша перегаром. Так откуда у него такие странные мысли? Что это – пережитки давно забытой холодной войны или обыкновенная попытка переложить на других вину за собственную невольную невоздержанность? Да, русские щедры на выпивку, но сами они пьют еще больше. Да и как не пить, почти полгода живя по пояс в снегу? От такой погоды даже медведь сопьется...

Попыхивая сигарой, синьор Витторио еще немного постоял у окна, разглядывая занесенные снегом пряничные купола храма Василия Блаженного. Поверх расстилавшейся перед ним панорамы виднелось смутное, прозрачное отражение его собственной фигуры в чистом, несмотря на скверную погоду, оконном стекле. Тлеющий кончик сигары медленно разгорался и гас, как позиционный огонь самолета. Подумав о самолете, синьор Витторио вспомнил, что полеты над Москвой до сих пор запрещены – всему виной полузабытый скандал с этим чудаком Рустом, который посадил свой легкомоторный самолетик прямо здесь, на Красной площади. Да, во времена крушения империй такие чудеса, увы, не редкость. И все-таки русские – симпатичные ребята. По крайней мере, если брать их по одному и рассматривать по отдельности...

Придя к такому выводу, синьор Витторио решил, что пора спать. Он положил сигару в пепельницу, развязал и бросил поверх висевшего на спинке кресла пиджака свой модный шелковый галстук, а затем, двигаясь не совсем уверенно, переоделся в халат и двинулся в ванную. Дверь за ним закрылась, и стало

слышно, как из душа полилась вода. Через минуту из ванной сквозь плеск струй уже доносилось негромкое, довольно мелодичное пение – принимая душ, синьор Витторио любил мурлыкать под нос оперные арии.

Но даже если бы Манчини не имел такой привычки и мылся молча, шум воды все равно помешал бы ему услышать негромкий щелчок электронного замка, которым была оборудована входная дверь номера. Металлическая ручка медленно, осторожно опустилась вниз, дверь приоткрылась буквально на палец. Хорошо смазанные петли не издали ни единого звука, и после секундной паузы дверь открылась шире.

В щель боком проскользнул какой-то человек в приличном, но недорогом костюме и наброшенном поверх него коротком черном пальто с белым шарфом. Длинные, прямые, иссиня-черные, как у индейца, волосы были отброшены назад, открывая смуглое, обрамленное аккуратно подстриженной бородкой, мужественное лицо со светлой полоской старого шрама на левой щеке. На руках у незваного гостя были тонкие кожаные перчатки; правая уверенно и привычно сжимала пистолет с глушителем, а на левом плече висела небольшая дорожная сумка.

Аккуратно прикрыв за собой дверь, незнакомец осмотрелся. Бесшумно ступая по мягким коврам, он прошел в пустую гостиную, заглянул в спальню и, убедившись, что в номере нет посторонних, вернулся в прихожую. Из ванной все еще доносились плеск воды и обрывки оперных арий. Чернобородый взвел курок пистолета и положил ладонь в перчатке на дверную ручку.

Дверь ванной бесшумно распахнулась настежь, оттуда потянуло теплой сыростью. Сквозь пластиковую занавеску виднелись смутные очертания человеческого тела. Чернобородый поднял пистолет и трижды выстрелил. Пение оборвалось, и синьор Витторио Манчини с шумом рухнул в ванну, оборвав и утащив за собой занавеску.

Убийца подошел ближе. Вода продолжала хлестать из душевой насадки, смывая с кафельной стены кровавые брызги. Глаза синьора Витторио были закрыты, вода стекала по щекам, как слезы, на белой эмали ванны виднелся смазанный кровавый след – видимо, итальянец, падая, сильно ударился затылком.

Рука в черной перчатке плавно поднялась, направив пистолет в бледный, облепленный мокрыми прядями волос лоб. Пистолет негромко хлопнул, стреляная гильза со звоном запрыгала по кафельному полу. Полуприкрытое оборванной пластиковой занавеской тело содрогнулось, выгнулось дугой, а затем обмякло и замерло в полной неподвижности.

Оглядевшись, убийца небрежно бросил пистолет с глушителем в мусорную корзину, и тот глухо стукнул, ударившись о пластмассовое дно. Рука в черной перчатке по очереди до упора завернула оба крана, а через пару секунд номер опустел. В ванной медленно остывало тело.

* * *

– Нос ты ему сломал, – сообщил Гаврилыч, рассеянно наблюдая за извивами дымных колец, которые лениво перемещались в конусе света от лампы под старомодным, бархатным с золотыми кистями абажуром.

Алехин осторожно пошевелил плечами. Плечи болели, а также ребра и все остальное. «Хорошая вещь, ментовская дубинка, – подумал он. – Без малого неделя прошла, а болит, как будто дело было вчера. Еще свежи воспоминанья... Вот это и называется: против лома нет приема, окромя другого лома... Козлы».

– А челюсть? – спросил он с надеждой.

– Отделался вывихом, – проинформировал его начальник охраны.

– Жалко, блин, – с искренним разочарованием сказал Алехин.

Одинцов скосил в его сторону ничего не выражающий взгляд и опять сосредоточился на выдувании дымных колечек.

– Кретин, – сказал он, когда запас дыма в его легких иссяк и последнее кольцо, зацепившись за край абажура, порвалось и расплзлось в стороны сизым туманом. – Жалко ему. Ты хотя бы понимаешь, что за такие дела у нас за проволоку сажают?

– От суммы да от тюрьмы... – гадая, к чему весь этот разговор, довольно легкомысленно пробормотал Алехин.

– Тоже правильно, – неожиданно легко согласился Гаврилыч. – Но ты все равно дурак. И везет тебе, как всем дуракам.

– Это в чем же, интересно узнать, мне повезло? – удивился Юрий.

– Отвечаю по пунктам, – сказал Одинцов. – Пункт первый. Во-первых, тебе повезло, что менты подоспели вовремя и этого борова ты покалечил не слишком сильно. Иначе сидеть бы тебе, дураку, до второго пришествия.

Протянув руку, он взял со стола плоскую бутылку, наполнил рюмки, вяло отсалютовал своей рюмкой Алехину и выпил залпом, как лекарство. Юрий последовал его примеру. В зале игровых автоматов возили швабрами по полу и негромко переговаривались дневные уборщики, где-то противно жужжал пылесос, из коридора доносился стрекот кассового аппарата – в кассе подсчитывали ночную выручку. Бармен Валера за стойкой, широко зевая, перетирал напоследок стаканы – тянул последние четверть часа перед сменой. Заведение было закрыто на пересменку; снаружи давно наступил день, но тут, за опущенными бархатными портьерами, все еще длилась насквозь прокуренная, хмельная, подсвеченная неяркими цветными огнями ночь.

– Пункт второй, – поставив рюмку на скатерть и одобрительно крякнув, продолжал Одинцов. – Тебе повезло, что минимум трое свидетелей видели и согласились подтвердить, что этот жирный фраер первый тебя толкнул.

– Да ну? – вяло изумился Алехин. – Никогда бы не подумал.

– А зря, – заметил Гаврилыч. – Ты еще слишком молод, чтобы быть о людях такого плохого мнения.

– Видел много, отсюда и мнение, – огрызнулся Юрий.

– Ни хрена ты толком не видел, – спокойно возразил Одинцов. – А что видел, того не понял.

С этим Юрий Алехин согласиться не мог, но и спорить с Гаврилычем не мог тоже. Поговаривали, что Гаврилыч заработал свою первую дырку еще в Афганистане, да и после вывода советских войск не сидел без дела – прошел Приднестровье, Карабах и бог знает что еще, не исключая, разумеется, Чечню. Уволился вчистую по ранению, через фронтовых друзей устроился опером в уголовный розыск, но долго там не задержался – по слухам, не поладил с начальством. Так что жизнь и людей он действительно повидал так, как Юрию и не снилось, и, надо думать, знал, что говорит.

– Пункт третий, – продолжал между тем Одинцов. – Ты был трезв как стеклышко, так что и отнеслись к тебе немного мягче.

– Да уж, – морщась от ноющей боли во всем теле, иронически пробормотал Алехин, – уж куда мягче! Мягче, Гаврилыч, просто некуда...

– Переломы есть? Нету? Ну и не ной. Пункт четвертый: начальник тамошнего отделения милиции – наш человек, афганец. Этот дурак, которого ты в аэропорту отрихтовал, взял и выложил ему все как было, слово в слово – чтобы, значит, ты не отвертелся. Он ведь до сих пор уверен, что ничего обидного он тебе не сказал и что ты на него налетел без всякой видимой причины...

– Жалко, – вздохнул Юрий. – Надо бы разыскать его, объяснить, что к чему. А то ведь убьют дурака однажды. Ментов рядом не окажется, чтобы его тупую жирную задницу спасти, вот и забьют насмерть. Так и подохнет, а за что, почему – не поймет...

– Сиди, толкователь, – осадил его Одинцов. – Без тебя уже растолковали. Доходчиво, на доступных примерах... Даром, что ли, он заявление из милиции забрал?

– Твоя работа? – спросил Юрий.

– Не твое дело. Моя, не моя... Какая тебе разница?

– Ясно, – сказал Алехин. – Значит, это у нас будет пункт пятый... Ну, Гаврилыч, я тебе этого не забуду. За мной должок, так и знай.

– Не такой большой, тебе зал начальник охраны. – Потому что есть еще один пункт, последний. Тебе, дураку, повезло, что этот твой серб тебя не узнал. Если бы узнал или хотя бы сделал вид, что узнал...

Он замолчал и покачал головой, словно будучи не в силах хотя бы предположить, что было бы с Юрием Алехиным, если бы его боевой товарищ Слободан Драгович пожал ему руку в зале ожидания аэропорта. Это была довольно странная пантомима, но Алехин решил, что выяснит, в чем тут соль, немного позже. Сейчас его занимал совсем другой вопрос.

– А знаешь, Гаврилыч, – признался он, – тут такая странная штука... Словом, я не вполне уверен, что этот тип – тот самый Драгович, с которым я вместе воевал.

– Люди меняются, – сказал Одинцов, снова наполняя рюмки.

Это прозвучало спокойно и даже равнодушно, но Юрий знал Гаврилыча не первый день и почувствовал, что тот заинтересовался его сообщением.

– Конечно, меняются, – согласился он. – Но ты пойми, Гаврилыч, я же стоял в шаге от него, в лицо ему смотрел!

– Ну?

– Вот тебе и «ну»! Он меня действительно не узнал, в натуре! Не притворился, как я вначале подумал, а просто не узнал. Глянул, как на пустое место, и пошел себе дальше.

– Жизнь меняет людей, – сказал на это невозмутимый Гаврилыч, – а занятия политикой уродуют. Иногда до неузнаваемости. Или, точнее, до полной потери способности узнавать старых знакомых. Особенно тех, кому ты чем-нибудь обязан. Например, жизнью. Это ж такой долг, с которым, хоть сто лет проживи, не рассчитаешься! А на кой хрен, скажи ты мне, политику такие пожизненные кредиторы?

– Это верно, – незаметно для себя проглотив содержимое рюмки и даже не почувствовав вкуса, сказал Юрий. – Только я-то его знаю как облупленного! Говорю тебе, он меня точно не узнал! Да и я его, если подумать, тоже, того... не

очень-то...

– То есть как это? – смакуя коньяк, удивился Одинцов. – Либо узнал, либо не узнал... Не понимаю, как можно узнать старого знакомого «не очень», наполовину.

– Да я и сам не понимаю! – с досадой воскликнул Алехин. – Ну вот гляди. Зовут его Слободаном Драговичем, это даже у тех придурков, что его встречали, на картонке было написано. Рост, фигура – все его. Лицо тоже – черные волосы, прямые, нос с горбинкой, борода, шрам на щеке...

– Броская внешность, – вставил Одинцов. – Особенно борода и шрам.

В этих словах Юрию почудился какой-то намек. Он вопросительно уставился на Гаврилыча, но тот уже закурил новую сигарету и опять разглядывал дымные кольца, которые сам же и выпускал с завидным мастерством.

– Лицо – ладно, – сказал Алехин, видя, что продолжения ждать не приходится. – А вот походка, голос – ну все не то! Да еще этот акцент...

– Акцент? – Гаврилыч перестал глазеть на лампочку и повернулся к Юрию лицом. – Это какой же такой акцент?

– А хрен его знает, какой, – развел руками Алехин. – Я бы сказал, что албанский, да только откуда ему взяться у чистокровного серба?

– Действительно, неоткуда, – сказал Одинцов и надолго замолчал, целиком сосредоточившись на пускании дымных колечек.

За стойкой бармен Валера сдавал боевой пост бармену Косте. В зале игровых автоматов кто-то споткнулся о ведро с грязной водой и, кажется, вывернул его на только что вымытый пол – так, по крайней мере, решил Алехин, слушая доносившуюся оттуда многоголосую и очень эмоциональную брань. Орали так, словно в перебранке участвовало не трое русских, а полтора десятка горячих, вспыльчивых сербов. «Кого-то сегодня уволят», – подумал Юрий и спохватился: а сам-то он на каком свете? По идее, человека, отлучившегося на пару часов и пропавшего без малого на неделю, по здешним правилам полагалось гнать в три

шеи, даже не выясняя причин отсутствия. Но вот Гаврилыч, вызволив Юрия из кутузки, почему-то не бросил его на пороге отделения милиции, а посадил в свою машину и привез, да не куда-нибудь, а сюда, в казино. Может, еще не все потеряно? Хотя в таких делах последнее слово обычно остается не за начальником службы безопасности, а за начальством повыше, вплоть до владельца заведения...

Докурив сигарету почти до самого фильтра, Одинцов энергично ввинтил окуроч в переполненную пепельницу и снова наполнил рюмки.

- На посошок, - скомандовал он решительно. - Сейчас поедем.

- Куда? - удивился Юрий. Ехать ему никуда не хотелось - хотелось спать.

- На кудыкину гору, - сказал Гаврилыч. - На Петровку, дружочек. Показания давать.

- Какие еще, на хрен, показания? Ты чего, Гаврилыч? Мало я, что ли, с ментами намаялся?

- Пей, - не терпящим возражений тоном приказал Одинцов. - И слушай. Там, на Петровке, служит мой хороший, старинный дружок. Я ему многим обязан, да и ты тоже - без него я б тебя, дурака, из этого дерьма так запросто не вытащил. Долги отдавать надо?

- Ну? - ничего не понимая, тупо переспросил Алехин.

- Чего «ну»? Надо или не надо?

- Ну надо...

- Так вот, сейчас для этого самое время. У них там, на Петровке, нынче дым коромыслом. Ты, бродяга, самое интересное в камере просидел. Я ведь не зря сказал, что тебе повезло, когда этот твой Драгович тебя не признал. Всю эту российско-сербскую дружбу, всех до единого, сейчас на допросы таскают. Пока что таскают на Петровку, но скоро, чует мое сердце, начнут таскать на Лубянку. А тех, кто его в аэропорту встречал, вообще заперли. Даже того, которому ты

фотокарточку попортил. Понял?

- Не понял, - честно признался Алехин.

- Кореш твой, - разминая сигарету и криво усмехаясь, сказал Одинцов, - в гостинице «Россия» человека завалил. Итальянца. И не просто итальянца, а официальное лицо. И не просто официальное лицо, а родственника ихнего итальянского премьер-министра. Так что, Юрик, сдаётся мне, что мой дружок с Петровки не откажется выслушать твои соображения по поводу бороды, шрама и всего прочего... в том числе, сам понимаешь, и албанского акцента.

- Твою мать, - с тоской произнес Юрий Алехин, поднося ко рту рюмку, и не удивился, заметив, что рука у него дрожит.

- Ваше здоровье, - ответил невозмутимый Гаврилыч, бросил в пепельницу сломанную пополам незажженную сигарету и залпом выпил коньяк.

Глава 3

За окнами конспиративной квартиры ярко голубело апрельское небо. Старые, поднявшиеся до пятого этажа деревья во дворе уже подернулись нежно-зеленой дымкой начавшей распускаться листвы, по карнизам, скрежеща и постукивая коготками, бродили озабоченные голуби, и их утробное воркование было слышно даже сквозь закрытые двойные рамы. Откуда-то снизу доносилось громкое хоровое чирикание устроивших очередной дебош, пьяных от весны воробьев; дворничихи в ярких платках размеренно шаркали метлами и перекликались зычными, как у кадровых прапорщиков, голосами.

Глеб Сиверов курил в открытую форточку, с интересом глядя во двор, - Федор Филиппович подозревал, что он наблюдает за воробьями. Из динамиков стереосистемы лилась негромкая классическая музыка - в этом вкусы профессионального ликвидатора по кличке Слепой и кандидата искусствоведения, дочери знаменитого профессора Андропова Ирины совпадали целиком и полностью. Федор Филиппович со своей любовью к тишине, таким образом, остался в меньшинстве и был вынужден до поры до времени с этим

мириться.

Ирина Андропова принесла с кухни только что заваренный кофе, и Глеб, не дожидаясь приглашения, вернулся к столу. Он уселся в глубокое кресло, с благосклонным кивком принял из руки хозяйки чашку, понюхал, одобрительно хмыкнул, пригубил чуть-чуть и посмаковал с видом профессионального дегустатора. От Федора Филипповича не укрылся тот факт, что Ирина наблюдала за манипуляциями Сиверова с плохо скрытым нетерпением.

- Недурно, - изрек наконец Слепой и сделал второй глоток. - Ей-богу, недурно. Должен вам заметить, Ирина Константиновна, что налицо определенный прогресс. За то время, что мы не виделись, вы таки научились варить вполне приличный кофе. Долго тренировались?

Ирина промолчала, ограничившись одним лишь брошенным из-под полуопущенных век взглядом. Федор Филиппович несколько не удивился бы, если бы этот взгляд оставил в его лучшем агенте две дымящиеся дыры, однако Глеб, как всякий профессионал, обладал великолепной системой защиты и, похоже, ничуть не пострадал - ни физически, ни тем более морально.

- Вообще, сварить хороший кофе - пара пустяков, - как ни в чем не бывало, продолжал он. - На эту тему даже есть старый еврейский анекдот. Правда, там говорилось про чай, но суть от этого не меняется. «Евреи, не жалейте заварки!» - слышали?

- Мне нравится другой анекдот, - подозрительно ровным голосом произнесла Ирина, изящно опускаясь в кресло и плавно поднося к губам чашку. - Про попугая в холодильнике.

- Это который с единственным перышком на макушке? - мигом сориентировался Сиверов. - Который до... гм... доболтался?

- Он самый, - светским тоном подтвердила Ирина и пригубила кофе, давая понять, что тема закрыта.

- Намек понял, - с несвойственной ему и оттого подозрительной кротостью произнес Глеб и тоже занялся кофе.

Федор Филиппович поймал себя на том, что сидит с открытым ртом, и поспешно взял чашку. Помня о его больном сердце, Ирина приготовила для него кофе со сливками – напиток, который генерал терпеть не мог. Как говорят американские дальнобойщики, если тебе хочется сливок с сахаром, зачем заказывать кофе? Но, с другой стороны, с сердцем шутки плохи...

Федор Филиппович тоже знал анекдот про лысого попугая в холодильнике, но не мог даже предположить, что он известен Ирине Андроновой. М-да... И как тут не посетовать, хотя бы мысленно, на нравы современной молодежи?

Пока пили кофе, молодежь болтала о пустяках. У Ирины что-то такое случилось с автоматической коробкой передач ее спортивной «хонды», из-за чего та уже третий месяц кочевала из одной авторемонтной мастерской в другую; Глеб побывал в Лондоне и восторженно расписывал сокровища Британского музея (куда, как было доподлинно известно Федору Филипповичу, он просто физически не мог попасть ввиду острого дефицита свободного времени). Впрочем, как всякий уважающий себя профессионал, врал Сиверов талантливо и изобретательно, так что Ирина его на этом вранье ни разу не поймала.

Чтобы не сидеть сычом, Федор Филиппович тоже поучаствовал в этой светской болтовне, рассказав, как незадолго до Нового года (как раз в то время, когда Глеб гулял по Лондону) отправился на зимнюю рыбалку и провалился, старый дурень, под лед, откуда его, старого дурня, выуживали впятером и насилу выудили. О причинах, в силу которых он, генерал ФСБ, посреди рабочей недели очутился на замерзшей реке с удочкой, Федор Филиппович распространяться, естественно, не стал. Глебу эти причины были известны, но он также промолчал – не из скромности, конечно, и даже не потому, что причины эти являлись государственной тайной (а они ею являлись), а просто потому, что история вышла уж очень неправдоподобная, и, услышав ее во всех подробностях, уважаемая Ирина Константиновна наверняка решила бы, что господа чекисты снова ее разыгрывают.

Когда кофейник наконец опустел, Федор Филиппович испытал настоящее облегчение, поставил на стол чашку с остатками светло-коричневой бурды на донышке и, откинувшись на спинку кресла, предложил:

– Ну что ж, к делу?

Он заметил, что Ирина Константиновна при упоминании о деле чуть-чуть поморщилась, как будто рассчитывала, что Федор Филиппович и Глеб Петрович навестили ее просто так, на правах старых знакомых. Ее можно было понять, но обойтись без помощи Ирины Андроновой в этой неприятной истории генерал Потапчук, увы, не мог, а потому временно отодвинул свойственное ему человеколюбие на задний план. Это была привычная процедура, за долгие годы сделавшаяся рутинной: во имя человечества все время приходилось жертвовать людьми, и генерал надеялся лишь на то, что в данном конкретном случае дело ограничится сугубо моральными издержками, а до настоящих, человеческих жертв не дойдет.

Красивые, но глупые рыбы, обитавшие внутри стеклянного стола, собрались на стук, произведенный донышком генеральской чашки, потыкались разинутыми губастыми ртами в прозрачное стекло и, поняв, что кормить их никто не собирается, разочарованно расплылись кто куда. Сиверов шевельнул губами, явно намереваясь произнести в их адрес привычное «цып-цып-цып», но сдержался и, взяв с подлокотника кресла пульт дистанционного управления, выключил музыкальный центр.

– К делу так к делу, – произнес он в наступившей тишине.

– Дело касается предстоящей выставки в Риме, – сказал Федор Филиппович, не без труда подавив желание высказать Глебу язвительную благодарность за любезное разрешение перейти от пустой болтовни к истинной цели встречи. – Насколько мне известно, вы, Ирина Константиновна, принимаете участие в подготовке экспозиции...

Ирина Андропова закусила губу.

– Так вот в чем дело, – сказала она негромко. – А я-то голову ломаю: зачем дирекции Третьяковки понадобилось мое участие? Как будто они сами не в состоянии составить экспозицию... Как же я сразу-то не догадалась?

– С кем не бывает, – легкомысленно утешил ее Сиверов. – Если вы огорчены своей недогадливостью, подумайте, каково мне! Я, в отличие от вас, до сих пор не могу понять, что я тут делаю. Раз экспозиция будущей выставки еще не составлена, значит, она и не украдена. А если не украдена...

Генерал Потапчук негромко кашлянул в кулак, и Слепой замолчал, как будто его выключили. Некоторое время Федор Филиппович хранил молчание, давая Глебу почувствовать всю неуместность его выступления. Судя по тому, как нахмурилась во время этой паузы Ирина Константиновна, она решила, что генеральское неодобрение распространяется заодно и на нее. Впрочем, это было недалеко от истины: Федор Филиппович не привык к тому, чтобы его перебивали, когда он говорит о деле. Насколько все-таки проще разговаривать с кадровыми офицерами! Не то, что с этой парочкой вольноопределяющихся меломанов, которые так и норовят превратить рабочее совещание в клоунаду...

Увы, ситуация на деле была много сложнее, чем могло показаться на первый взгляд. Бесспорно, те самые кадровые офицеры, о которых только что подумал Федор Филиппович, справились бы с задачей, и, надо полагать, неплохо. Но – только очень нескоро и ценой больших усилий. А действовать нужно было быстро, точно и эффективно – то есть именно так, как действовал агент по кличке Слепой. Что до второго «вольноопределяющегося меломана», Ирины Андроновой, то ей в плане генерала Потапчука была отведена особая роль, доверить которую человеку в погонах Федор Филиппович просто не мог.

– Вы правы, Ирина Константиновна, – подождав, пока уляжется чисто стариковское раздражение, вызванное мелким нарушением субординации, снова заговорил генерал, – ваше участие в подготовке экспозиции – моя идея. Это я попросил руководство галереи привлечь вас к работе по реализации данного проекта. Надеюсь, вы понимаете, что у меня на это имелись веские причины. Надеюсь, вы также понимаете, что, коль скоро руководство Третьяковской галереи удовлетворило мою просьбу, упомянутые причины являются вескими не только с моей точки зрения.

Он сделал паузу, но новых реплик не последовало. Ирина молча смотрела в стеклянную крышку стола-аквариума, под которой журчала вода и вяло помахивали плавниками яркие тропические рыбы, и лицо ее выражало, как показалось Федору Филипповичу, напряженное внимание и полную сосредоточенность. Иначе и быть не могло. Ирина Константиновна – женщина умная, и сотрудничать с генералом Потапчуком ей не впервой. Она уже не раз имела возможность убедиться, что Федор Филиппович и Глеб не беспокоят ее по пустякам; к тому же ее участие в операции было одобрено руководством Третьяковки, а это наверняка о многом говорило ей, профессиональному искусствоведу. Уважающего себя музейного работника больше всего на свете волнует сохранность вверенных ему сокровищ мировой культуры, а на

сиюминутные проблемы и нужды всяких там спецслужб ему, жрецу искусства, плевать с высокой башни. С Пизанской, например. Так что если уж дирекция Третьяковки – не чиновники из министерства культуры, а те, кто непосредственно отвечает за сохранность музейного фонда! – допустила сотрудников ФСБ до участия в этом деле, то, вероятно, просто не было иного пути обеспечить безопасность экспонатов предстоящей выставки. А раз дирекция музея считает, что эти самые экспонаты под угрозой, то искусствоведу Ирине Андроновой, хорошо знающей, делами какого масштаба занимаются генерал Потапчук и Глеб Сиверов, сам бог велел насторожиться и встревожиться...

«Бедняга, – с искренним сочувствием подумал Федор Филиппович. – Ты еще не так встревожишься, когда узнаешь, в чем дело».

Он посмотрел на Сиверова. Глеб Глеб – сидел в кресле, сложив руки на груди и забросив ногу на ногу, и с абсолютно непроницаемым лицом ждал продолжения. Впрочем, с таким же успехом он мог просто дремать – темные стекла очков, как всегда, скрывали глаза, превращая лицо в лишенную какого бы то ни было выражения маску. О Слепом можно было не беспокоиться: он явился, чтобы получить очередное задание, и теперь просто ждал, когда оно будет сформулировано.

Федор Филиппович в раздумье покусал нижнюю губу. С формулировкой задания у него были некоторые проблемы, что, если припомнить, случилось далеко не впервые. «Сказать или не сказать? – снова подумал генерал. – Предупредить или не стоит? Да пропади оно все пропадом! О чем тут думать? Ясно, что картины надо сохранить. Но для этого вовсе не обязательно разбрасываться такими людьми, как Глеб. Скажу. Но не сейчас, а позже, без Ирины».

Приняв решение, он почувствовал некоторое облегчение. Мысль о том, что от Глеба придется что-то скрыть, была ему неприятна.

– Как вам, наверное, известно, – снова заговорил он, – выставка произведений русских живописцев итальянской школы должна была открыться в Риме еще в начале февраля.

Ирина кивнула, а Глеб вообще никак не отреагировал, будто и впрямь уснул.

– Предварительная договоренность о проведении такой выставки, – продолжал Федор Филиппович, – была среди всего прочего достигнута на прошлогодней встрече нашего президента с премьер-министром Италии. Вы этого не знали, Ирина Константиновна? – спросил он, заметив, что искусствовед изумленно подняла брови.

– Признаться, нет. Не думала, что подобные вопросы решаются на таком высоком уровне.

– Я же сказал – среди всего прочего. Почему бы и нет, в конце концов? Эта выставка... ну... я бы сравнил ее с красивой брошью на прекрасном новом платье.

Темные очки Слепого блеснули, когда он повернул голову.

– Bravo, Федор Филиппович, – сказал Глеб, беззвучно аплодируя, – хорошо сказано. Вам бы стихи писать.

Все-таки он не спал.

– Вот посадят под арест, как Лукьянова, – займись на досуге, – ворчливо пообещал генерал. – Вернемся к нашим баранам, или кто-нибудь еще хочет поговорить о литературе?

Желающих не нашлось, из чего следовало, что можно продолжить разговор о живописи.

– Так вот, о живописи, – сказал генерал. – В рамках упомянутой мной договоренности в январе текущего года в Москву прибыл некто Витторио Манчини, высокопоставленный чиновник итальянского министерства культуры.

– Гостиница «Россия», – негромко, ни к кому не обращаясь, сказал Глеб.

Ирина промолчала, но по тому, как округлились ее глаза, Федор Филиппович понял, что об инциденте в гостинице «Россия» она осведомлена – как, впрочем, и все, кто читает газеты и смотрит выпуски телевизионных новостей.

– Совершенно верно, – подтвердил Потапчук, – гостиница «Россия». Манчини прибыл в Москву, чтобы принять личное участие в подборе картин для будущей экспозиции. Кстати, первоначально планировалось, что в Рим будут отправлены экспонаты из коллекций всех крупнейших музеев Москвы и Петербурга, однако известные вам события привели к тому, что все изменилось.

– Но почему? – спросила Ирина.

– Подумайте сами, – сказал Федор Филиппович. – Когда в столице одного государства убивают правительственного чиновника другого государства, прибывшего с официальным визитом, это, как правило, сказывается на отношениях между двумя странами самым плачевным образом. Но чтобы оценить ситуацию до конца, вы должны знать, что Витторио Манчини состоял в кровном родстве с премьер-министром Италии.

– Берлускони? Боже! – ахнула Ирина.

На этот раз промолчал Сиверов, который, как всегда, был полностью в курсе.

– О том, каким образом этот конфликт улаживался на высшем уровне, я распространяться не стану, – продолжал генерал, – тем более что подробности этого процесса мне самому неизвестны. При личной заинтересованности первых лиц двух государств это было их дело, и больше ничье. Полагаю, впрочем, что успешные действия нашей стороны по расследованию убийства оказали определенное положительное влияние на конечный итог переговоров.

– Я не знал, что убийцу взяли, – вставил Сиверов.

Федор Филиппович посмотрел на него с огромным неудовольствием. «Как сговорились, честное слово, – подумал он. – Не одна, так другой!»

– Убийцу не нашли, – ровным голосом произнес он, – и тем не менее следствие добилось неплохих результатов.

– «Операция прошла успешно, пациент скончался», – прокомментировал это заявление Глеб.

Ирина Андропова поспешно прикрыла рот ладонью. Могла бы этого и не делать – ее смеющиеся глаза явно указывали на то, что неуместная шутка Глеба Петровича достигла цели.

Федор Филиппович проигнорировал данную реплику как совершенно неуместную. Он мог позволить себе такое великодушие, ибо точно знал: когда задание будет сформулировано, Северову станет не до смеха.

– Следствие добилось очень неплохих результатов, – с нажимом повторил он, – о чем, по-моему, красноречиво свидетельствует уже тот факт, что выставка в Риме, хоть и с некоторым опозданием, все-таки состоится. Нам удалось замять очень крупный международный скандал. Разумеется, дипломаты и высшее руководство обеих стран приложили к этому определенные – и притом немалые – усилия, однако главная заслуга, на мой взгляд, принадлежит все-таки тем, кто вел следствие по факту убийства Витторио Манчини. Им удалось неопровержимо доказать, что это была тщательно спланированная провокация, целью которой являлось резкое обострение отношений между Италией и Россией.

– Странно, – задумчиво, без тени обычного ерничества пробормотал Глеб. – Кому это могло понадобиться?

– А ты подумай, – предложил генерал. – Нет ли, случайно, вблизи Апеннинского полуострова какого-нибудь проблемного региона, где усиление влияния России было бы для кого-то нежелательно?

– А есть ли на этой планете хоть один регион, не считая Белоруссии, где усиление нашего влияния было бы желательно хоть для кого-нибудь? – с иронической улыбкой начал Глеб, но тут же осекся и замолчал. – Черт побери! – воскликнул он после непродолжительной паузы. – Вот поганцы!

– Я ничего не понимаю, – обиженно призналась Ирина Андропова.

– Поймете, – пообещал Федор Филиппович. – Конечно, если этот болтливый тип в темных очках помолчит хотя бы пять минут и даст мне наконец возможность высказаться.

– Нем как могила, – быстро произнес Глеб. – И весь внимание. Такая, знаете ли, внимательная могила...

Вознаградив его за эту реплику долгим выразительным взглядом, Федор Филиппович кашлянул в кулак и перешел к неторопливому и обстоятельному изложению событий почти трехмесячной давности.

* * *

Со стороны моря тянуло ровным сильным ветром, доносившим шум волн, раз за разом разбивавшихся о подножие глинистого обрыва. Этот шум означал, что в ближайшее время море съест еще один участок берега, который был не в состоянии выдержать его постоянный бешеный напор. Подмытая глина под ударами волн и под собственной тяжестью отслаивалась огромными пластами; трещины росли, ширились, отколовшийся участок береговой кручи постепенно оседал, отчаливал, как пустившийся в плавание очень тихоходный корабль, и, наконец, с громким шумом рушился в море. Крупные куски спрессованной до каменной твердости глины потом в течение всего купального сезона лежали на дне. Волны мало-помалу размывали их, поднимая рыжую муть; длинные космы когда-то росшей на краю обрыва под щедрым украинским солнцем, а теперь мертвой, гниющей травы шевелились у поверхности воды, пугая отдыхающих.

Море уже вплотную подобралось к огородам окраинной слободы; по слухам, в некоторых местах вдоль старых, покосившихся заборов по-над обрывом было уже не пройти. После обвалов, вызванных зимними штормами, эти заборы кое-где повисли в воздухе, и висеть им там оставалось всего ничего: не пройдет и месяца, как гнилые жерди треснут, переломятся, и все это добро, как водится, посыплется в море. Ну и черт с ним со всем; в море, что ни день, сыплются тонны всякой дряни, а ему хоть бы что. Главное, чтобы вода в нем не кончилась, потому как посуху корабли в порт не пойдут.

Ветер донес с моря протяжный басовитый гудок стоящего на рейде теплохода. Этот звук прозвучал для Степана Денисовича Тарасюка райской музыкой, напомнив, что все у него в жизни хорошо, а скоро будет еще лучше. На протяжении нескольких лет, пока торговый порт Ильичевска был закрыт, город, а вместе с ним и Степан Денисович, влачил довольно жалкое существование. Отдыхающие, приезжавшие сюда со всех концов бывшего Союза, служили для здешних обитателей едва ли не единственным источником дохода. И что это был

за доход! Ильичевск сроду не значился в списках фешенебельных, популярных курортов. Места тут были не шибко живописные, берега глинистые, приличных пляжей – раз, два и обчелся, так что отдыхать сюда ехал в основном народ, который попроще, победнее, а с такого контингента особо не разживешься. Словом, какой курорт, такая и публика, а какой клиент, такой с него и навар...

Все изменилось в одночасье, когда в порт явились китайцы. Вот уж, действительно, не было бы счастья, да несчастье помогло! Разве мог Степан Денисович когда-либо подумать, что жизнь его резко переменится к лучшему благодаря этой желтопузой шантрапе? Да такое и в страшном сне не приснится! Ведь это ж не народ, не нация, а банда косоглазых клоунов! То они книжки жгут, то воробьев поголовно истребляют, то, понимаешь ли, в каждом дворе сталеплавильную печь наладить норовят... Одно слово – анекдот! А вот поди ж ты, взялись за ум, да еще как! Весь мир своими товарами наводнили, поднялись, разбогатели... И, что характерно, безо всяких там революций, под руководством все той же, не к ночи будь помянута, коммунистической партии. Что значит дисциплина! Что значит, когда у руководства страны в головах мозги...

Короче, были косоглазые, а стали зарубежные инвесторы. Благодетели, одним словом. Порт при них ожил, зашевелился, замаячили на рейде корабли, побежали по рельсам составы, дрогнули стрелы портовых кранов, потащили из бездонных трюмов тюки да ящики... Красота!

Главная же красота – в понимании Степана Денисовича, естественно, – заключалась в следующем. Действующий порт – это, ребятки, такая прорва материальных ценностей, что случай поживиться чем-нибудь на дармовщинку упустит разве что ленивый или совсем уж глупый. Среди украинцев, считал Степан Денисович, ленивых да глупых испокон века не водилось – по крайней мере, таких, что не сообразили бы взять то, что плохо лежит. Эге-ге-ге! Да откуда ж им, таким, взяться-то после семидесяти лет советской власти?!

Короче, где порт, там и воровство. Ну а как иначе? Не хочешь, чтобы крали, положи свое добро под замок, охрану поставь. А на людей пенять нечего. Как же удержаться, если человек сизмальства что украл, тем и жив!

Словом, в порту без охраны никак. И опять же ясно, что набирают эту охрану не из марсиан или тех же китайцев, а из своих, местных жителей. А набирал ее, охрану, кто? Не знаете? Ага! То-то и оно, что Степана Денисовича Тарасюка кум, Кандыба Остап Григорьевич. Так оно и вышло, что бывший слесарь

судоремонтного завода Степа Тарасюк, почти полных восемь годков мыкавшийся без работы, сделался начальником караула. А караул – это не бабуса с берданкой, не пара калек со свистками, а полтора десятка крепких, тренированных мужиков, и все при табельном оружии. Сила! С такими орлами сильно не забалуешь и чужое добро почем зря в свою нору уже не погрешь.

Оно, конечно, охрана – тоже люди. Платили китайцы неплохо, но где вы видели человека, которому зарплаты хватает?! Ясно, что не каждого вора ловили – бывало, что и отворачивались, покуда кто-то через дыру в заборе краденое волок. Город-то невелик, все друг друга знают, так как же не помочь соседу по старой-то дружбе? Ну, не бесплатно, конечно, это уж как заведено...

А только за Степаном Денисовичем такого не водилось. Он с самого начала, с первого дня, так себя поставил: нет, и точка! Не положено, значит, не положено. Обижались на него, конечно, но Тарасюк в таких случаях всегда говорил: на обиженных, мол, воду возят. А как иначе-то? Если поставили его охранять, оказали, понимаешь, доверие, так он и будет охранять. И никаких гвоздей!

Не сразу, конечно, но избранная Степаном Денисовичем твердая гражданская позиция начала приносить плоды. Дисциплина у него в карауле установилась такая, что любая армия позавидует, и воровство с портовых складов во время его дежурств прекратилось – вообще прекратилось, полностью. И прошло совсем немного времени, прежде чем новое начальство это заметило, а заметив, стало Степана Денисовича поощрять: оклад повышать, премии подбрасывать, а там и до повышения дошло. Стал Тарасюк в свои неполные сорок лет и со средненьким своим образованием ни много ни мало заместителем начальника службы безопасности всего, понимаете ли, порта! Потому что образование образованием, а для того, чтоб работу как следует наладить, совсем другие качества нужны. Какие? Ну кто ж это станет своими секретами задаром делиться? Степан Денисович до всего своим умом дошел и другим того же желает...

С моря тянуло йодом и водорослями, а в саду, что когда-то разбил отец Степана Денисовича, уже чувствовался сладкий запах цветения. Почки на деревьях треснули, ветви окутались зеленоватой дымкой, цветочные бутоны набухли – вот-вот распустятся. Стоя на увитом виноградными лозами крыльце старого отцовского дома со стаканом ледяного домашнего вина в руке, Тарасюк с удовольствием озирает свое хозяйство. Здесь, как и на службе, у него был полный порядок: дорожки подметены, грядки выровнены по линейке и уже

радуют глаз свежей зеленью всходов, деревья аккуратно побелены, трава повыдергана еще осенью и даже старенькая «таврия», купленная в незапамятные времена, чисто вымыта, отполирована и сверкает, будто только что с конвейера.

Почесывая округлившийся в последнее время волосатый живот, Степан Денисович опять, как это случалось теперь чуть ли не каждое утро, подумал, не затеять ли ему стройку. Дом, хоть и просторный, порядком обветшал. Нет, лет сто он еще простоит, а может, и больше, но вид у него уже не тот. Несовременный вид, неряшливый, таким отдыхающих не привлечешь. Им подавай стены побелее – из этого, как его... сайдинга, что ли? – и чтобы крыша из красной металлочерепицы. Отдельный вход, стеклопакеты, кондиционер, удобства в каждой комнате – это уж как водится. Накладно, конечно, зато и отдача совсем другая. Если сильно не дорожиться, отдыхающий к Степану Денисовичу просто валом повалит, косяком попрет, все соседи от зависти удавятся!

Часть сада, конечно, придется вырубить, чтоб было место для машин. Стоянка во дворе – еще один плюс. Тарелку спутниковую на крышу присобачить, поставить в каждой комнате по дешевенькому телевизору, и будет не дом, а настоящий отель, хоть пять звезд на него вешай!

Надо строиться, решил Тарасюк. Хотя, конечно, если делать все по уму, деньги понадобятся большие.

При мысли о больших деньгах настроение у него немного испортилось. Степан Денисович в два глотка осушил стакан, поставил его на перила крыльца, вынул из кармана растянутых тренировочных брюк сигареты и закурил. Сегодня у него был свободный день – самое время пораскинуть мозгами, решить, как быть дальше. Ведь большие деньги – это, конечно, хорошо, но и риск получается немаленький...

Само собой, приработок у Степана Денисовича имелся – как же без этого? Жизнь сложилась так, что он привык не брезговать никаким заработком. Ловил и вялил бычков, чтоб потом продавать отдыхающим, креветкой промышлял, делал домашнее вино – и для себя и, опять же, на продажу, – летом пускал в дом постояльцев... Он бы и зимой пускал, да только кому зимой нужен Ильичевск?

Ну и, конечно, работа. Солидный оклад, премиальные... Есть-пить-одеваться на эти денежки можно было очень даже хорошо, а вот дом построить – извини-подвинься. Потому что большая зарплата – это одно, а большие деньги – совсем другое. Они потому и большие, что большим трудом достаются, большим риском.

Каким обещает быть риск, Степан Денисович себе представлял – так, в самых общих чертах. Трясти станут всех, в том числе и охрану, и начнут, конечно, с самого верха, потому что такие дела без наводки не делаются. Ну, это-то Степан Денисович переживет, это ему как-нибудь не впервой.

А вот насчет прибыли надо было подумать, и подумать хорошенько.

Тарасюк машинально сунул руку в карман своих спортивных шаровар – не в тот, где лежали сигареты и зажигалка, а в другой, который с дыркой. Дырка была на месте, а кроме того, в кармане обнаружился крохотный, чуть больше спичечного коробка, калькулятор, подаренный Степану Денисовичу полгода назад одним китайцем – леший его знает, кем он там у них числился, этот косоглазый. Тарасюк не помнил, чтобы клал эту штуковину в карман, однако она была там – будто сама залезла, заранее зная, что пригодится.

Вынув калькулятор и откинув пластмассовую крышечку с окошком дисплея, охранник принялся неуклюже тыкать толстым пальцем в крошечные кнопки. При каждом нажатии калькулятор издавал противный электронный писк. Побаловавшись так минуты три или четыре, Степан Денисович захлопнул крышку и раздраженно сунул машинку в карман, потому что толку от нее было ноль целых хрен десятых. Чего считать-то, когда ничего толком неизвестно? Ни названия товара, ни цены на этот товар, ни размеров партии – ничего этого Тарасюк не знал. Знал только, что партия ожидается крупная – такая крупная, что все начальство в порту уже третий день стоит на ушах.

Он попытался хотя бы приблизительно прикинуть размеры возможного барыша. Вот взять, к примеру, самые обыкновенные таблетки – обезболивающие там или жаропонижающие. Дешевые... Хотя кто и где их нынче видал – дешевые таблетки? Но допустим, что дешевые.

Теперь дальше. В таблетках что работает? Анальгин там, парацетамол всякий или запрещенный димедрол – это все названия, умными докторами для дураков

придуманные. А если разобраться, лучшего обезболивающего, чем наркота, до сих пор ни одна зараза не придумала. Значит, в каждой такой таблетке хоть капелька ее, да есть. А остальное – просто наполнитель, вроде мела, или что там еще они туда кладут.

Или взять, к примеру, эфедрин, которым в золотые деньки Степиного детства кашель лечили. Он тогда в любой аптеке продавался, и даже без рецепта. А ведь если этот самый эфедрин не в микстуре пить, а вколоть, понимаешь ли, в вену, эффект, говорят, получается оч-чень интересный! Потому что эфедрин – это не средство от кашля, как некоторые до сих пор думают, а синтетический наркотик. Во как!

В конце концов, большая партия лекарств – это уже очень большие деньги. А большая партия СЫРЬЯ для изготовления лекарств – это... это... Это о-го-го! Ведь не мел толченый они из самого Китая морем везут, не траву сушеную, которая, скажем, от поноса... или, наоборот, для. Нет, везут они что-то забористое и явно недешевое, раз в управлении порта по этому случаю такой кипеж. Привезут, загрузят фуру под самый тент, отволокут на фабрику, смешают с этим своим наполнителем и наштампуют, сволочи, таблеток. А может, уколов, кто их там разберет...

Так вот, в любом случае, навар обещает быть очень приличным. А если в этом их сырье содержится хотя бы процентов двадцать наркоты, тогда... Какой у фуры объем кузова? Так, ага... Эх, знать бы еще, какой у этого порошка удельный вес! Или это и не порошок вовсе? А что тогда – жидкость? Да нет, вряд ли, жидкий наркотик – это всегда раствор. А какой смысл тащить через полмира раствор? Как будто у нас своей воды мало...

У него за спиной распахнулась дверь. Степан Денисович понял это не глядя, по звуку, потому что зимняя сырость, как обычно, не пошла дверным петлям на пользу.

– Ты погляди, – раздался женский голос, почти такой же скрипучий, как несмазанные петли, – оно стоит! Курит оно! И стакан тут как тут! Уже гляделки залил! Дома дел невпроворот, а оно кислород нюхает! Чтоб он тебе поперек нюхалки стал, этот кислород!

Под местоимением «оно» подразумевался, ясное дело, сам Степан Денисович, а скрипучий голос, ржавым напильником царапавший прямо по нервам, принадлежал не Бабе Яге, не ведьме какой-нибудь из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», а его законной супруге, Оксане Даниловне Тарасюк.

- Шо ты молчишь? – продолжала она. Голос жены ржавым шурупом ввинчивался Тарасюку прямо в спинной мозг; он не обернулся, поскольку и так знал, что Оксана стоит на пороге, уперев кулаки в тощие бока, что ее жидкие бесцветные волосы торчат в разные стороны, что она в своем вечном ситцевом халате неопределенной расцветки и сверлит его затылок таким взглядом, словно он украл и пропил ее приданое. – Шо ты молчишь, я тебя спрашиваю? Опять об отеле своем мечтаешь? Го-о-ос-с-споди-и-и, вот же ж послал Бог наказание!

- Та, – не оборачиваясь, с досадой бросил Степан Денисович.

- Шо «та»? Шо ты такаешь, ты мне скажи?

«Вот же зараза, – с тоской подумал Тарасюк. – И как меня угораздило жениться на этой прободной язве? Где были мои глаза?»

При этом он отлично помнил, что дело было вовсе не в его глазах, а в избыточном количестве выпитой им на свадьбе школьного друга водки, неудачном стечении обстоятельств и в конечном итоге беременности, которую Оксана Даниловна предъявила своему будущему супругу, когда предпринимать что-либо по этому поводу было уже поздно.

- Геть, – сказал он, по-прежнему стоя к жене спиной.

Сказано это было вполголоса, но Оксана Даниловна, как ни удивительно, услышала. Странное дело, но собственные скрипучие вопли никогда не мешали ей слышать все, что говорилось вокруг, особенно то, что вовсе не предназначалось для ее ушей.

- Шо такое? – воинственно поинтересовалась она.

Тарасюк с трудом подавил инстинктивное желание втянуть голову в плечи, поскольку в руках у жены вполне мог оказаться какой-нибудь твердый, тяжелый

предмет – скалка или даже сковорода. Считается, что сварливые жены дерутся сковородками только в анекдотах. Как бы не так! Обстановка в доме Тарасюков уже давно была максимально приближена к фронтовой: чуть зазевался – получи по черепу, да так, что искры из глаз!

Ощущение, что его вот-вот с похоронным звоном огреют чугуном доннышкой по затылку, сделалось нестерпимым, превратившись из предположения почти в уверенность. Поскольку бежать было ниже его достоинства, Степан Денисович резко развернулся лицом к противнику и перешел в контрнаступление.

– Геть отсюда, я сказал! – рявкнул он так, что зазвенело в ушах. – Геть, чтоб я тебя, змею, не видел! Это я – наказание?! Бога побойся! Да ты, дура, пальцем деланная, молиться на меня должна, как на икону! Вот брошу тебя к чертовой матери, будет тебе тогда Господнее наказание!

Жена открыла рот, но Степан Денисович шагнул вперед, заноса над головой сжатый кулак. Тут Оксана Даниловна, хоть и дура, сообразила, что дело пахнет керосином. Она проворно юркнула в дом и попыталась захлопнуть дверь, но Тарасюк успел ухватиться за ручку и так рванул ее на себя, что жена упала на колени.

– Рятуйте, люди добрые! – негромко, чтобы не доводить до греха, взывала она и, как была, на четвереньках, задом наперед быстро-быстро поползла в глубину веранды. – Рятуйте!

– Цыц, дура, – сказал довольный одержанной победой Степан Денисович, сдерживаясь, чтобы не расхохотаться при виде этого упоительного зрелища. – Цыц, говорю! Людей постесняйся, припадочная...

Он тяжело протопал мимо все еще копошившейся в углу на четвереньках жены, пересек наполненную запахом вчерашнего борща кухню и вошел в спальню, которую вот уже без малого двадцать лет делил с женой. На стене висела свадебная фотография в рамке; Тарасюк свирепо покосился на нее, но решил, что на сегодня репрессий хватит – жена могла, как крыса, потерять инстинкт самосохранения и устроить ему по-настоящему веселую жизнь.

Вообще, оказалось, что за время ссоры Степан Денисович успел незаметно для себя решить многое. Например, стоя перед открытым шкафом и выбирая брюки,

он вдруг понял, что решение по поводу ожидаемого груза лекарственных препаратов уже принято. Как говорится, решено, подписано и обжалованию не подлежит...

Еще он, оказывается, решил, что с этой так называемой семейной идиллией пора кончать к чертовой матери. Сколько можно, в самом-то деле?! Ведь так не заметишь, как вся жизнь пройдет! На кой ляд ему сдалась эта гостиница, занюханый этот самопальный отель? Что ему, заняться больше нечем?

Оказалось также, что план предстоящего расставания с драгоценной Оксаной Даниловной уже как-то сам собой сложился в голове. Он был совсем простой, а значит, имел все шансы на успех.

Во-первых, повернуть это дело с порошком. Сколько там ему с этого дела обломится, не так уж и важно – что обломится, все будет его. А судя по всему, все-таки немало. Вот и хорошо.

Во-вторых, жене – ни слова. Пусть думает, что все идет своим чередом. А он тем временем продаст машину – от нее все равно давно пора избавиться, пока не рассыпалась ржавым прахом, – и осторожненько подыщет покупателя на дом. Дом хороший, крепкий, просторный, и до моря недалеко. Гараж есть, лодка в придачу пойдет... Хорошо, что у жены прав на дом никаких! Его это дом, от родителей наследство. А она, дуреха, здесь даже и не прописана. Теща, карга старая, сидит в своей однокомнатной хрущобе – и приватизировать ее не хочет, и помереть никак не соберется. А эта дура, доченька ее ненаглядная, до сих пор там прописана, чтоб квартирка из-под носа не уплыла. Эх, хорошо! Вот пускай к мамаше своей и отправляется, там пускай и живет. Авось за неделю друг дружку заживо сожрут, даже косточек не останется. Хорошо!

Главное, тихо. Проснется она однажды, глядь – мужа след простыл, а в дверях новые хозяева стоят, купчую на дом в руках держат. Вот тогда пускай покричит, дура... Э-эх, хорошо!!!

Через десять минут Степан Денисович Тарасюк, одетый в приличные, хотя и заметно поношенные, серые брюки, бежевую спортивную куртку и новенькие, чересчур яркие кроссовки фирмы «Рибок», вышел из дома и сел за руль своей «таврии». В последний момент, когда двигатель уже завелся, наполнив заплетенный виноградными лозами дворик сизым бензиновым дымом, из-за угла

дома выскочила, размахивая руками, воспрянувшая духом Оксана Даниловна. Рот у нее открывался и закрывался, она что-то кричала, но у Степана Денисовича не было охоты с ней препираться. Он включил передачу и дал газ, заставив неисправный глушитель свирепо взреветь.

Вишневая «таврия» вывернула на улицу и, прыгая по ухабам, покатила в сторону городского центра. Степан Денисович Тарасюк направлялся в Одессу, оставив свою благоверную в полной растерянности стоять посреди опустевшего двора, кашлять и разгонять руками дым.

Глава 4

– Витторио Манчини был убит в ванной комнате своего номера, когда принимал душ. Три выстрела были сделаны прямо сквозь пластиковую занавеску душа, после чего его добила контрольным выстрелом в голову.

Федор Филиппович выложил на стол потрепанный конверт с фотографиями места происшествия. Ирина Андропова глянула раз и отвернулась, явно борясь с тошнотой. Сиверов просмотрел фотографии одну за другой с профессиональным интересом, покосился на Ирину, сложил карточки в конверт, а конверт вернул генералу.

– Чистая работа, – сказал он.

– Калибр пуль – девять миллиметров, – утвердительно кивнув, продолжал Потапчук. – Гильзы остались на месте преступления. По мнению экспертов, стреляли из пистолета чешского производства – того самого, который нашли там же, в ванной, в мусорной корзине. Пистолет чешский, глушитель кустарного производства, но весьма эффективный. Отпечатков, разумеется, никаких.

– Ну, еще бы, – задумчиво пробормотал Слепой.

– Труп обнаружила горничная в десятом часу утра. По заключению медицинской экспертизы, смерть наступила около полуночи. В это время посторонних в гостинице не было...

– Кто дал такую информацию?

– Служба безопасности «России».

– Федеральная?

– Помолчи, пожалуйста. Как будто ты не знаешь, что это, считай, одно и то же...

Так вот, проверка постояльцев в самом начале выявила главного подозреваемого. Им оказался некто Слободан Драгович, серб, буквально накануне прибывший из Черногории по приглашению общества российско-сербской дружбы. В ночь убийства он покинул гостиницу, не заплатив по счету.

– Не слишком умно, – заметил Сиверов.

– Да, – согласился Федор Филиппович, – но это лишь в том случае, если паспорт, по которому ты зарегистрировался в гостинице, настоящий.

– А, так он был ненастоящий!

– В том-то и дело, что самый настоящий.

– Тогда беру свои слова обратно. Никакая это не чистая работа. Или убийца – не Драгович.

– Именно Драгович. Подходы к номеру, где был убит Манчини, контролируются видеокамерами. Вот, полюбуйся.

Сиверов взял протянутую генералом кассету и вставил ее в приемную щель видеомэгагнитофона. Кто-то позаботился перемотать запись до нужного места, и на экране телевизора сразу возникло изображение человека, идущего по гостиничному коридору. Почти поравнявшись с камерой, человек вдруг поднял голову и посмотрел прямо в объектив, словно давая возможность получше себя разглядеть. У него были черные, прямые, немного не достающие до плеч волосы, густые брови, нос с легкой горбинкой и аккуратная бородка. На левой щеке виднелся приметный шрам – от ножевого ранения, как сразу же определил Глеб. Человек был одет в короткое черное полупальто и белый шарф, на левом плече висела дорожная сумка. Белые цифры в нижнем правом углу экрана указывали

время, когда была сделана запись, – около полуночи того самого дня, что стал последним для Витторио Манчини.

– Это он? – спросил Глеб.

– Слободан Драгович, – подтвердил генерал. – Причем оказаться перед номером Манчини случайно он просто не мог – его номер расположен на пятом этаже, да еще и в другом крыле.

– М-да, – глубокомысленно произнес Сиверов, – чтобы так неосторожно себя вести, надо иметь очень веские причины. Например, ревность. Или месть. Этот Манчини, случайно, не соблазнил его сестру?

– У Драговича нет сестры, – проворчал Федор Филиппович. – И жены нет. Нет даже матери, чтоб ты окончательно успокоился. А Манчини никогда не бывал в Сербии и Черногории. Личные мотивы исключены, Глеб.

– И это, конечно, было проверено.

– Не ты один умеешь работать. Я могу продолжать?

– Виноват, – сказал Сиверов. – Иногда и на могилы нападает любопытство.

– Так вот, – продолжал Федор Филиппович. – Как будто всего этого было мало, в номере Драговича обнаружили пустую коробку из-под пистолетных патронов. Девятимиллиметровых, чешского производства – словом, от того самого пистолета. Она валялась в мусорной корзине, как какой-нибудь пакетик из-под чипсов или сигаретная пачка.

– У, – разочарованно протянул Глеб, явно шокированный таким непрофессионализмом.

Генерал посмотрел на него с любопытством, явно ожидая продолжения.

– Еще что-нибудь скажешь? – спросил он.

– Для однозначного вывода этой информации маловато, – выпрямившись и напустив на себя серьезный вид, сказал Сиверов. – Пока мне кажутся наиболее вероятными два варианта: либо этот Драгович неумный дилетант, либо имела место грубая подстава. Кто он, вообще, такой? Писатель, художник, политик? Что у него за дела с обществом российско-сербской дружбы? Чем занимался в Москве – договаривался о проведении дней сербской культуры?

Федор Филиппович одобрительно покивал головой.

– Надо вам сказать, – доверительно сообщил он, – что это самое общество российско-сербской дружбы после инцидента в гостинице «Россия» долго имело весьма бледный вид. Трясли их, как грушу, и кое-что вытрясли. Этот Слободан Драгович имеет к культуре и всякому там фольклору такое же отношение, как и к ракетостроению. По образованию – инженер-строитель, активный участник боевых действий в Косово, авторитетный полевой командир. С недавних пор вплотную занялся политикой, но лично у меня сложилось впечатление, что делалось это скорее для отвода глаз. Под видом разнообразных переговоров и урегулирований этот парень продолжал формировать боевые дружины, закупать оружие, боеприпасы, горючее... И в Москву он приехал не хороводы водить. Деятели из общества, которые его пригласили, очень долго крутили хвостом, прежде чем признались, что Драгович приезжал сюда за деньгами.

– Он их получил? – быстро спросил Глеб.

– Они утверждают, что нет. Он исчез из гостиницы как раз накануне процедуры передачи денег и больше не появлялся. Международный розыск также ничего не дал.

– Тогда это действительно подстава, – уверенно сказал Сиверов. – Потому что иначе получается полная ерунда. Человек уже много лет воюет, защищая свой народ. Едет в Москву за деньгами, которые нужны ему, чтобы продолжать эту войну. А может, и еще зачем-нибудь – например, накормить голодных, приютить бездомных. Или просто поделить эти бабки с друзьями по оружию и, скажем, пропить... Словом, миссия у него важная. Я не спрашиваю, откуда деньги...

– И правильно делаешь, – вставил Потапчук.

– ...потому что получить ответ не рассчитываю. Да он мне и не нужен. Сербы всегда смотрели на Россию с надеждой. Россия их, конечно, предала, но все-таки не до конца, и лучшего союзника им все равно не найти. И вот, имея такой расклад, Драгович, практически не скрываясь, идет в номер к Манчини и всаживает в беднягу четыре пули. При этом он оставляет после себя вагон прямых улик, а для полноты картины еще и сбегает из гостиницы, не заплатив по счету. Отлично! Налицо международный скандал, в котором оказываются замешаны не только Россия и Италия, но еще и Сербия – та самая Сербия, за которую он уже много лет дерется с оружием в руках. Получается, что Россия с Италией в ссоре, и обе при этом очень, очень сердиты на сербов. Просто великолепно! С такими патриотами Сербии никакие враги не нужны. Я только не понимаю, как все это было проделано и куда подевался Драгович. Он не мог, не должен был убить этого итальянца, потому что ему это было совершенно ни к чему. И вся эта гора улик... Тут ведь как с лекарством: стоит принять слишком много таблеток, и можешь твердо рассчитывать на обратный эффект – летальный исход вместо выздоровления практически гарантирован.

– Точно так же рассуждали и те, кто вел следствие, – согласился Федор Филиппович. – Драговича продолжали искать по всем аэропортам, морским и железнодорожным вокзалам, и на каждом посту пограничного контроля имелась его фотография. Но все несообразности, на которые ты так точно указал, тоже не были оставлены без внимания. А потом всплыл этот Алехин...

– Алехин?

– Юрий Алехин, охранник казино «Фортуна». Видите ли, когда в Югославии началась заваруха, он уехал туда по туристической путевке и сразу же примкнул к отряду, которым командовал Драгович. Тогда многие так делали – кто ради денег, кто из солидарности, из желания помочь братьям-славянам... Алехин из числа последних. С Драговичем он сошелся довольно близко...

– Фронтовое братство, – вставил Глеб.

– Оно самое. Он спас Драговичу жизнь, вынес его, раненого, из-под огня. Видел шрам на щеке? Алехин, по его словам, своими руками зашивал этот порез обычной швейной иглой.

Ирина Андропова зябко передернула плечами, но промолчала. Она не понимала, какое отношение все это имеет к ней, но задавать вопросы не спешила: вряд ли Федор Филиппович искал встречи с ней только для того, чтобы поугубить ее всеми этими кровавыми историями.

– Алехин получил от Драговича письмо, – продолжал Потапчук, – в котором тот сообщал о своем скором приезде в Москву. По каким-то причинам ответить Драговичу вовремя Алехин не сумел, а потому просто явился в аэропорт, чтобы встретить приятеля там. Так вот, Драгович, который всего месяц назад прислал ему теплое письмо, где сам настойчиво предлагал встретиться, своего фронтового друга попросту не узнал. Да и сам Алехин, когда немного поостыл, начал сомневаться, что видел в аэропорту именно Слободана Драговича. По его словам, у того сильно изменилась походка, а заодно и голос. Кроме того, в речи серба Алехину почудился акцент...

– Думаю, албанский, – предположил Глеб.

– Голова у тебя работает неплохо, – с удовольствием констатировал Потапчук. – Да, албанский. Все сходится, не так ли? Никто не получил бы большей выгоды от этого трехстороннего международного скандала, чем албанцы. И кто, кроме них, мог быть заинтересован в том, чтобы деньги, за которыми ехал Драгович, не попали по назначению? Короче говоря, была произведена графологическая экспертиза. Эксперты исследовали письмо Драговича Алехину, а также его подпись, оставленную на гостевой карточке гостиницы «Россия». Почерки, как и следовало ожидать, оказались разными.

– И это, увы, ничего не доказывает, – вставил Глеб. – Откуда вы знаете, что Алехин говорил правду? Может, он обыкновенный псих?

– Ну, во-первых, он действительно какое-то время воевал в Югославии, а потом имел неприятности из-за просроченной визы. И вообще, Глеб Петрович, не ты один на свете такой умный. Как только предварительные данные были суммированы, мы связались с сербами и изложили им все обстоятельства дела и свои соображения. Они, как оказалось, даже не подозревали, какие тучи собираются над их головами, и, получив наш запрос, сразу же включились в дело. Правда, долго искать им не пришлось: труп Драговича обнаружился на дне ущелья, через которое проходит единственная дорога от Подгорицы до местного аэропорта. Погибший находился за рулем разбитой машины; все это могло бы сойти за обычное дорожное происшествие, если бы не засевшая у него

в голове пуля.

– Девятимиллиметровая, – с кривой улыбкой предположил Глеб, – из чешского пистолета.

– Этого я не знаю, – сказал Федор Филиппович. – Знаю только, что из Черногории в Москву под именем Драговича вылетел кто-то другой, и этот другой здесь даром времени не терял.

– Между прочим, – заметил Глеб, – все это наводит на любопытные размышления. Чтобы все так четко спланировать и проверить, они должны были располагать точной информацией о времени вылета Драговича, а также о графике визита Манчини в Москву. Это, как минимум, утечка информации. А то, как чудесно эти два визита совпали по времени, заставляет предположить, что это было кем-то подстроено. Ну, не бывает таких совпадений! Подмена Драговича состоялась в рамках четко спланированной операции. Кто-то очень постарался, чтобы эти российско-сербские друзья захотели поделиться с ним своими сбережениями не раньше и не позже, а как раз тогда, когда в Москве был Манчини. Да и гостиница могла бы быть поскромнее, однако его разместили не где-нибудь, а именно в «России»! Хорошо еще, что не в соседнем номере...

– Это всего лишь предположение, – быстро и довольно резко сказал Федор Филиппович. Тон у него был такой, что Глеб сразу понял: никакое это не предположение, но обсуждать подобные вопросы в присутствии Ирины Андроновой генерал считает, мягко говоря, нецелесообразным. – Вообще, – продолжал Потапчук, – я рассказал все это только для того, чтобы вы могли правильно оценить степень риска и серьезность сложившейся ситуации. Сдается мне, эта история пока что очень далека от завершения. Отлично задуманная провокация провалилась, не дав желаемого результата. Россия продолжает укреплять отношения с Италией, а следовательно, и свои позиции на Балканах, в частности в некоторых республиках бывшей Югославии. Предстоящая выставка в Риме – еще один шаг в том же направлении, и я возьму на себя смелость предположить, что этому шагу попытаются помешать.

– Как это? – не поняла Ирина.

Или сделала вид, что не поняла. Федору Филипповичу казалось, что второй вариант несколько ближе к истине. Ирине Андроновой, профессиональному

искусствоведу, просто не хотелось в деталях представлять себе, каким образом убийцы Манчини и Драговича могут попытаться помешать проведению выставки. Генерал искренне ей сочувствовал, но время поджимало, и он не мог позволить уважаемой Ирине Константиновне тешиться иллюзией благополучия.

– Как угодно, – ответил он на заданный Ириной вопрос. – Вплоть до полного уничтожения экспозиции.

– Что?! – ахнула Ирина.

– Подумайте сами, Ирина Константиновна, – сухо и жестко предложил Потапчук, не давая ей времени на возмущение, испуг и прочие дамские штучки. – В первый раз они выбрали мишень, удар по которой оказался наиболее болезненным, – убрали официального представителя Италии и родственника итальянского премьера в одном лице. Бесследное исчезновение где-то между Москвой и Римом воистину бесценной, любовно подобранной коллекции знаменитейших шедевров русской живописи нанесет не менее болезненный удар как по России, так и по Италии. А дорога от нас до Апеннин пролегает по таким местам, где может произойти все что угодно.

– Боже мой, – с трудом проговорила Ирина. – И вы, зная об этом, все-таки намерены отправить выставку в Рим?!

– Во-первых, это не моя идея, – возразил Потапчук, – а договоренность первых лиц двух государств. У них, знаете ли, немного иной взгляд на подобные вещи. Согласитесь, желающих проделать дырку в каком-нибудь видном политическом деятеле всегда намного больше, чем вандалов, стремящихся умыкнуть грузовик с картинами. Смертельный риск – неотъемлемая часть их повседневной жизни, и им, возможно, кажется, что это понятно всем и каждому. Для того, Ирина Константиновна, и существуют спецслужбы, чтобы президенты и премьеры были живы, а картины и статуи – целы.

– Я памятник себе воздвиг нерукотворный, – тихо, но вполне отчетливо пробормотал Сиверов.

– Кроме того, – продолжал Федор Филиппович, сделав вид, что ничего не слышал, – ничего такого я вовсе не знаю. Я просто предполагаю, что нечто в этом роде может случиться, и пытаюсь действовать на упреждение. Вы же не

станете отрицать, что любая выездная выставка связана с определенным риском, правда? Те или иные меры по обеспечению безопасности принимаются всякий раз, когда экспонаты покидают стены родного музея. Сегодня данная миссия возложена на нас с вами. Что тут необычного? Вы прекрасный искусствовед и отлично знаете, как следует перевозить картины, чтобы свести к минимуму риск их повреждения. И я тешу себя надеждой, что вы так же не сомневаетесь в наших с Глебом Петровичем профессиональных качествах, как мы не сомневаемся в ваших. Так в чем же дело? Неужто мы, трое опытных профессионалов, не справимся со своей работой? Ситуация действительно серьезная, но отнюдь не катастрофическая, а у вас такое лицо, словно я собственными руками уже волоку полотна из Третьяковки на костер, да еще и прошу, чтобы вы мне помогли.

– Простите, – пробормотала пристыженная Ирина. – В какой-то момент у меня возникло именно такое впечатление.

– Оно ложное, – объявил генерал. Он посмотрел на часы и едва заметно поморщился. – Что-то я сегодня разговорился. К дождю, что ли? Так вот, Ирина Константиновна, я вас очень прошу уделить подготовке экспозиции максимум внимания. Точнее, не столько самой экспозиции – с ней, как вы совершенно справедливо заметили, сотрудники музея справятся самостоятельно, – сколько людям, которые будут участвовать в этом процессе. Как можно больше говорите о выставке, причем не только с работниками Третьяковки, но и с посторонними людьми. И если кто-то вдруг начнет проявлять к вашим рассказам повышенный интерес, сразу же сообщите мне. Ничего не предпринимайте сами, только сообщите, договорились?

– Ну... договорились, – с видимой неохотой согласилась Ирина.

Она была разочарована и не хотела признаться в этом даже себе самой. В тех, увы, нечастых случаях, когда ей доводилось работать вместе с Потапчуком и Сиверовым, она получала столько адреналина, что его потом хватало надолго. Это было гораздо увлекательнее, чем езда на самоубийственной скорости по московским улицам, занятия спортом и даже секс; это было балансирование на узкой грани между жизнью и смертью, придававшее существованию особый, ни с чем не сравнимый вкус. Короче говоря, это было именно то, чего не хватало Ирине Андроновой. И вот вместо всего этого ей подсовывают какую-то тоскливую ерунду, сильно отдающую обыкновенным стукачеством: выпрашивать, вынюхивать, провоцировать ни в чем не повинных людей на

неосторожные высказывания, а потом доносить на них...

Словом, если бы нависшая над выставкой угроза не выглядела такой реальной, Ирина скорее всего просто послала бы господ чекистов ко всем чертям и ушла, хлопнув дверью: пусть строят свои козни без нее. На какой-то миг ей даже почудилось, что все эти жуткие сказки Федор Филиппович выдумал и рассказывал тут только затем, чтобы ее завербовать, но она немедленно со стыдом отбросила эту мысль. К чему такие сложности? Уж кого-кого, а стукачей в нашем отечестве всегда хватало – добровольных, старательных, на все готовых ради лишнего рубля и возможности, оставаясь неузнанным, утопить ближнего своего в нужнике – любых, на выбор...

– Это важнее, чем вы думаете, – сказал Федор Филиппович, заметив и правильно оценив ее колебания. – Маршрут, по которому выставка отправится в Италию, будет держаться в строгом секрете. Возможно, все наши предположения так и останутся предположениями – дай-то бог! Но если что... В общем, противник постарается как можно лучше подготовиться к предстоящей акции, а для этого ему первым делом необходимо узнать маршрут. Понимаете?

– Да, – уже тверже ответила Ирина, – понимаю.

– Вот и прекрасно. Теперь ты, Глеб Петрович.

Сиверов поднял на лоб темные очки, потушил сигарету и сел ровно – ни дать ни взять прилежный ученик, готовящийся выслушать домашнее задание.

– Ответь-ка мне на один вопрос, – сказал Федор Филиппович, не без удовольствия. – Скажи, ты давно водил грузовик?

* * *

Все шло как обычно, раз и навсегда заведенным порядком, пока Запятая, этот сексуально озабоченный отморозок, не начал лапать бабу. И баба-то была так себе, смотреть не на что, да еще ко всему не первой молодости, но Запятая просто не мог упустить случай безнаказанно залезть кому-нибудь под кофточку, а в перспективе, понятное дело, и под юбку.

Баба, ясный перец, молчать не стала. Орать во всю глотку она побоялась, не говоря уж о том, чтобы отбиваться. «Ой, хлопчик, не надо!» – тихо и отчаянно простонала она, когда Запятая рванул у нее на груди блузку. «Надо», – глухо сквозь маску сообщил Запятая и одним отработанным движением, прямо как в кино, разорвал пополам кружевной лифчик. «Тэтэшник», чтобы не мешал, он засунул сзади за пояс брюк и теперь мог свободно пользоваться обеими руками. Он и стал ими пользоваться – без особой фантазии, но так активно, словно месил тесто для пампушек. Баба слабо дергалась и издавала невнятные, какие-то звериные звуки, которые могли означать как протест против грубого насилия, так и удовольствие – ее, поди, уже лет десять никто по-настоящему не тискал.

И вот тут ее муж, который до этого вел себя вполне прилично, вдруг озверел. Четко и резко, как какой-нибудь спецназовец на занятиях по рукопашному бою, он ударил Ворону, который его контролировал, коленом в пах, а когда тот сложился пополам, отоварил локтем по челюсти. Никто и охнуть не успел, как Ворона уже отдышал, скрючившись, возле заднего колеса «пассата», а этот очкарик, мозгляк этот лысый, интеллигент в маминной кофте, очутился позади Запятой. Одной рукой он ухватил Запятую за шиворот, а другой – вот же сука! – выдрал у него из-за пояса «тэтэшку». Вряд ли он знал, как ею пользоваться, но в таких делах наперед никогда не угадаешь, кто на что способен. Никто ведь даже и не ожидал, что этот очкастый клоун выкинет такой фортель!

Лещу даже интересно стало: а что дальше? Но он, в отличие от Запятой, был человеком серьезным и помнил, что находится не в кинотеатре и не в борделе, а на работе. Поэтому в тот самый миг, когда очкарик занес руку, чтобы гвоздануть Запятую рукояткой «тэтэшника» в темечко, Лещ выстрелил в него из «Макарова» – не табельного, конечно, а второго, хранившегося в таких вот случаях в кармане форменных милицейских бриджей. Пуля ударила очкарика в незащищенный правый бок, и он повалился на землю, скуля и корчась от боли.

Баба заверещала, отпихнула обалдевшего от всех этих чудес Запятую, упала перед мужем на колени, схватила за грудки и стала, дура, трясти, как будто надеясь, что, если потрянуть посильнее, они оба проснутся и будут, блин, в полном порядке. Лещ даже пожалел очкарика: мало ему дырки в боку, так еще эта полоумная трясет его, как грушу!

Он шагнул вперед, выбирая более удобную позицию, прицелился и выстрелил очкарику в голову – из чистого человеколюбия, понял? Потому что дернуть у лоха тачку и даже его замочить – это одно. Это, пацаны, работа, бизнес –

профессия, короче. А смотреть, как человек мучается, болтается, как дерьмо в проруби, между жизнью и смертью, – такое может нравиться только полному отморозку вроде Запятой.

Баба заорала как недорезанная – будто мышь увидела, ей-богу! Лицо у нее теперь было густо забрызгано кровью, как и грудь с вывалившимися из разорванной блузки вислыми титьками, похожими на два полупустых кожаных мешка. Запятая, малость очухавшись, схватил ее за волосы и отшвырнул в сторону. Баба шлепнулась на задницу, раскорячившись, как в гинекологическом кресле, юбка у нее задралась, по морде ручьями текли слезы, смешанные с кровью и тушью для ресниц, – короче, хоть сейчас на конкурс «Мисс Вселенная»! Она уже не верещала, а только тоскливо подвывала, как получившая хорошую трепку собака.

Порядок был восстановлен. Ворона уже стоял, все еще не до конца разогнувшись, и держался одной рукой за яйца, а другой – за переднее крыло серебристого «пассата». Запятая подобрал пистолет и топтался рядом, как дурак, опасливо поглядывая на Леща. Тот как раз прикидывал, как бы это половчее засветить отморозку по чавке, чтоб не успел увернуться, и тут в кармане у него хрюкнул и противно задергался поставленный на вибрацию мобильник.

Лещ вынул телефон из кармана, глянул на дисплей и нажал кнопку соединения. Фуражка мешала ему, и он содрал ее с потной макушки, которой тут же приятно коснулся прохладный весенний ветерок.

– Ну? – сказал в трубку старший инспектор ДПС Полещук по кличке Лещ.

Трубка что-то быстро заквакала ему в ответ. Лещ послушал, сказал: «Понял» – и, прервав соединение, повернулся к своим орлам.

– Заканчивайте без меня, – скомандовал он. – Жмуриков в землю, тачку – к Лысому в гараж. Мне отъехать надо.

Ворона, которому все еще было не до разговоров, только коротко кивнул, продолжая баюкать свой омлет. Зато Запятая, из-за которого они чуть не облажались, все не мог угомониться.

– Так жмурик-то только один, – заявил он. – Телка-то еще живая! Видишь, тая...
Может, я ее... того? Все равно ведь...

Лещ молча надел фуражку, а потом поднял руку с пистолетом, расположив воняющее пороховой гарью дуло так, что между ним и переносицей Запятой осталось не больше десяти сантиметров. Он подержал его так ровно столько времени, сколько понадобилось, чтобы Запятая обгадился и позеленел, а затем развернулся всем корпусом вправо и выстрелил. Баба перестала выть, опрокинулась навзничь и замерла – с широко раздвинутыми ляжками и вся в грязи и кровище, как после зверского группового изнасилования.

– Можешь попользоваться, пока теплая, – сказал капитан Полещук Запятой и, не интересуясь его реакцией, пошел к своей машине.

Он открыл багажник, выкинул на землю лопату и мешок с известью, а потом, все еще избегая смотреть на Запятую, сел за руль. Патрульная «девятка» резко стартовала с места, подняв облако густой пыли, и вскоре выехала на шоссе, оставив позади жидкий придорожный лесок, где стоял четверть часа назад остановленный для проверки документов серебристый «пассат» с черниговскими номерами.

* * *

До открытия пляжного сезона оставалось еще без малого месяц, хотя аборигены – в основном безбашенные пацаны и жилистые приверженцы здорового образа жизни – уже всю ныряли с волнолома, распугивая наглых, разжиревших на городских отбросах чаек, которые деловито ковыляли по корявому бетону или качались на волнах, как целлулоидные утки.

Отдыхающих тоже пока было негусто. Половина летних кафе на Дерибасовской еще не открылась, да и те, что были открыты, не могли похвастаться большим наплывом посетителей. Костя Шекель медленно шел по тротуару, чувствуя, что зря теряет время. На руках у него чешуйчатым бревном лежал до полного обалдения накачанный транквилизаторами молодой кайман с замотанной пластырем пастью, а на плече сидела облезлая мартышка в засаленной красной юбочке, под которой скрывался памперс. Крокодилий хвост безжизненно свешивался у Кости из-под локтя, при каждом шаге похлопывая его по бедру, а мартышка моргала по сторонам слезящимися карими глазенками и время от

времени, будто спохватившись, принималась суетливо рыться у Кости в волосах, что-то такое оттуда выбирая и немедленно отправляя в рот. Глядя на нее, можно было подумать, что у Кости в прическе полным-полно паразитов; кстати, бывало, что некоторые именно так и думали, о чем свидетельствовали задаваемые Косте ехидные вопросы: дескать, а что это ваша обезьянка ест? Вы туда нарочно что-нибудь вкусненькое кладете или оно там само, гм... заводится?

Костя Шекель на такие вопросы не обижался, потому что вопрос, если он не риторический, во-первых, означает, что тебя заметили и тобой заинтересовались, а во-вторых, как правило, требует ответа. А вопрос и ответ – это уже общение, в ходе которого человека не так уж трудно расподожить к себе, охмурить, окучить и в конечном итоге выставить на энную сумму. Поэтому Костя Шекель подробно, обстоятельно объяснял, что такое поведение свойственно всем обезьянам и означает у них знак наивысшего доверия. Кроме того, продолжал он, перебирая друг другу шерсть, обезьяны находят и едят вовсе не паразитов, как считают некоторые далекие от зоологии товарищи, а кристаллики соли, которые для них являются лакомством. Вот у вас, девушка, извините за нескромный вопрос, паразитов нет, правда же? Не бойтесь, она не кусается! Сейчас, привыкнет чуть-чуть... Смотри, Маруся, какая красивая тетя! Вот видите? У вас тоже ищет. Значит, вы ей понравились. И не ей одной, чтоб вы знали... Обними тетю, Маруся. Ай, молодец! Теперь поцелуй... Умница! Мне бы на твое место, я б ничего больше в жизни не хотел... Снимай, Гена. С вас двадцать гривен, фотография будет готова завтра, в это же время. Хотя, если хотите, можем договориться как-нибудь по-другому... Да, вы совершенно правы, бартером! Маруся, иди к папочке, тетя шуток не понимает...

Вдоль улицы со стороны моря тянуло ровным свежим ветерком, каштаны готовы были вот-вот зацвести. Костя шел, кивая знакомым, которых у него здесь было великое множество: официанткам в уличных кафе, продавцам, что выглядывали из магазинов, уличным торговкам, инвалиду дяде Саше с его говорящими весами, которые на всю улицу предлагали прохожим измерить рост и вес, освобождая тем самым дяди Сашин речевой аппарат для более приятных дел – для курения, сплевывания под ноги и потягивания пивка из пластмассового стакана. Гена Шнобель плелся рядом, шаркая растоптанными босоножками сорок шестого размера – высоченный, тощий, нескладный, сгорбленный под тяжестью архаичного «Зенита», что свисал с его длинной угловатой шеи на засаленном ремешке. На перекрестке этот поц, забыв, наверное, на кого похож, вдруг вздумал клеиться к молоденькой милиционерше, которая стояла там, улыбаясь весеннему солнышку, и делала вид, что следит за соблюдением водителями и пешеходами правил дорожного движения.

Вопреки ожиданиям Кости, Гену не послали подальше после первых же двух сказанных им слов. То ли милиционерша пребывала в раскрепощенном настроении, то ли вкус на мужиков у нее был не совсем обычный, но беседа у них завязалась очень даже оживленная, можно даже сказать, бойкая. Поскольку торопиться все равно было некуда, Костя Шекель отошел в сторонку, сунул Гениного тезку под мышку, как батон вареной колбасы, и, порывшись в карманах, закурил сигаретку. Кайману, хоть и был он под кайфом, такое обращение не понравилось – он начал вяло извиваться, вертеть заклеенной мордой, перебирать лапами в воздухе и дергать хвостом. Весила эта сволочь немало, держать ее, извивающуюся, под мышкой было неудобно, и Костя опустил крокодила на асфальт, для верности обмотав вокруг кулака конец цепочки, пристегнутой к ошейнику на бронированной крокодильей шее. Кайман пополз куда-то, но цепочка была коротка, и он, напоследок пару раз дернув хвостом и мотнув башкой, улегся у Костиных ног и моментально заснул. А может, затаился, исподтишка высматривая на тротуаре чьи-нибудь пятки повкуснее, – кто его, ящера, разберет?

Маруся, которой не понравился табачный дым, негромко взвизгнула, довольно чувствительно хлопнула Костю по макушке, а потом, видя, что это не помогает, перебралась ему на спину и повисла, обхватив его руками за шею. Костя Шекель привычно подавил внезапно вспыхнувшее, чисто инстинктивное желание взять поганую тварь за хвост, раскрутить над головой и с нечеловеческой силой зашвырнуть в мировое пространство: мартышка все-таки была в некотором роде его деловым партнером, да и денег стоила немалых. «Вот парадокс, – подумал Костя Шекель, дымя сигаретой и краем глаза наблюдая, как фотограф Гена охмуряет симпатичную гаишницу, – чем больший геморрой ты собираешься приобрести, тем больше бабок тебе придется за него выложить».

У Гены Шнобеля между тем дело явно шло на лад. Он уже начал осуществлять плавный переход от вербального контакта к мануальному – то есть, согнувшись без малого пополам, деликатно ковырял пальчиком пестрые значки и пуговицы на груди у милиционерши – интересовался, стало быть, боевые это награды или просто для красоты повешено. Милиционерша хихикала, как восьмиклассница, и игриво отмахивалась от Гены ладошкой с наманикюренными ноготками, напрочь позабыв о дорожном движении, которое, к слову, отлично без нее обходилось.

«Орел», – со снисходительным одобрением подумал Костя, хотя со стороны Гена Шнобель больше смахивал не на орла, а на сексуально озабоченного аиста. И тут в нагрудном кармане Костиной рубашки зазвонил мобильник.

Раньше, чем Костя успел его оттуда достать, Маруся сиганула ему на плечо, запустила в карман маленькую коричневую ладошку и завладела любимой игрушкой, которая по вполне понятным причинам попадала ей в руки нечасто. Черт ее знает, случайно она нажала на клавишу соединения или осознанно, но телефон перестал звонить. Маруся уже визжала в микрофон, оскалив длиннющие, как у вампира, желтые клыки и подпрыгивая от возбуждения у Кости на плече. Чтобы не свалиться с этого ненадежного насеста, свободной рукой она цеплялась за Костины волосы. Свирепея, Шекель кое-как отобрал у нее телефон. К счастью, на этот раз обошлось без укуса; Маруся одним резким прыжком снова переместилась ему на спину, напоследок мазнув по губам облезлым хвостом.

– Да! – раздраженно бросил Костя в трубку, но, поняв, с кем говорит, тут же сбавил тон: – Да, я. Нет, кричал не я. Это Маруся, извините.

Трубка сердито забормотала ему в ухо. Костя поморщился – не то из-за услышанного, не то из-за Маруси, которая в данный момент пыталась открутить его левое ухо.

– Да, – сказал он, дослушав до конца, – сейчас буду.

Он заблокировал клавиатуру мобильного и сунул трубку в карман брюк, где Марусе было до нее не добраться. Потом он посмотрел на Шнобеля. Гена уже чуть ли не обвился вокруг гаишницы, как некий человекообразный удав; ломать ему кайф было жаль, но мужская солидарность могла дорого обойтись Косте Шекелю: хозяин очень не любил, когда его заставляли ждать.

– Гена, – позвал Костя.

Вместо ответа Шнобель только раздраженно махнул ладонью возле своей костлявой задницы: дескать, отвянь, не до тебя сейчас. Костя тяжело вздохнул, подобрал с тротуара окончательно разомлевшего на солнышке каймана и, подойдя к Гене, без предисловий сунул крокодила прямо ему в руки.

Сунуть крокодила в руки Гене Шнобелю в данный момент было все равно что вручить его гаишнице – расстояние между ними сократилось до минимума, и каймана пришлось буквально втискивать в узкую щель между милицейским

кителем и Гениной рубашкой. Милиционерша, к этому времени уже разомлевшая не хуже каймана и совершенно переставшая замечать, что творится вокруг, от неожиданности взвизгнула на всю Дерibasовскую и отпрыгнула назад с проворством кошки, на которую выплеснули ведро воды.

– Что за шутки?! – возмущенно спросила она с безопасного расстояния.

– Это не шутки, – грустно ответил Костя Шекель, пересаживая на плечи напарнику сопротивляющуюся обезьяну, – это Генин тезка. Можно сказать, родственник. Гена, позаботься о братишке, а мне надо отскочить на часок. Надумаешь пойти домой, возьми такси. В автобус не лезь, а то будет, как прошлый раз...

Пока Гена приходил в себя и силился подобрать наиболее подходящие к случаю слова, Костя ободряюще хлопнул его по плечу, повернулся к нему спиной и поспешил туда, где час назад оставил свою машину.

* * *

Закончив разговор, Лысый рассеянно сунул мобильник в карман промасленного рабочего комбинезона и оглянулся. Валек уже выключил сварочный полуавтомат и сматывал кабель на фанерную бобину, а Горлач с Дэном возились и кряхтели, пристраивая на место капот. Сложный процесс перебивки серийных номеров на угнанном позавчера «мерседесе» был, можно сказать, завершен, оставалось только установить на места снятые детали и окончательно отмыть кровавые пятна с обивки салона и кожаных сидений. Эта чисто механическая работа не требовала его присутствия, но была необходима: покупателю не нужна тачка, салон которой выглядит так, будто в нем зарезали свинью.

Дэн, работавший с ними совсем недавно и еще не успевший как следует освоить тонкости нового для него ремесла, прищемил палец капотом и зашипел, как рассерженный кот.

– Больно? – с деланным сочувствием спросил у него Лысый. – Есть классный рецепт: берешь молоток и со всей дури лупишь по другому пальцу. Гарантирую, что этот сразу болеть перестанет.

– Очень смешно, – одной рукой поддерживая на весу тяжелый капот и озабоченно разглядывая пострадавший палец, сердито проворчал Дэн. – Чем зубы скалить, лучше бы помог.

– Валек поможет, – сказал Лысый. – Хотя я с такой работой один справляюсь за полторы минуты. Короче, учись, мой сын; наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни...

– Это типа поэзия? – пренебрежительно поинтересовался Дэн.

Он был совсем молодой и еще не научился с ходу врубаться, где, когда и перед кем можно хорохориться, а где лучше помолчать в тряпочку.

– Типа да, – сказал ему Лысый. – Проза – это то, как ты порешишься с этим капотом.

Валек откатил тяжелый полуавтомат в дальний угол гаража и, закуривая на ходу, подошел к Лысому.

– Звонил кто? – спросил он, глядя на напарника поверх сложенных лодочкой, черных от въевшейся смазки ладоней.

– Конь в пальто, – проинформировал его Лысый. – Заканчивайте без меня, а мне надо по-быстрому мотнуться в одно местечко.

Валек выпустил изо рта облако дыма и сквозь него вопросительно посмотрел на Лысого. Тот утвердительно прикрыл глаза.

– Да, – сказал он, – чуть не забыл. Если Лещ или его пацаны пригонят «пассат», который этот хмырь из Ялты заказывал, сразу ставьте его в бокс. Номера снимите, салон проверьте, багажник – ну, короче, стандартная процедура. Да не забудьте на сиденье что-нибудь постелить, самим же потом чистить придется!

– А ты с концами, что ли? – вполголоса поинтересовался Валек, поверх плеча Лысого глядя прищуренными глазами куда-то в пространство.

– Не думаю, – ответил Лысый. – Хотя это такое дело, что наперед не скажешь. Ну, ты ж в курсе.

– Угу, – сказал Валек.

– Валек! – позвал Горлач. – Ну, ты идешь или нет? Перекуривать мы и сами умеем!

– Да, уж это-то вы умеете, – едва слышно пробормотал Валек и, обернувшись через плечо, крикнул: – Иду!

Он сделал последнюю глубокую затяжку, растоптал длинный окурок и, шаркая тяжелыми кирзовыми башмаками по грязному бетону, удалился в глубь гаража. Лысый задумчиво поглядел ему вслед, а потом, спохватившись, что время уходит, начал стаскивать с себя тяжелый от пропитавшего ткань машинного масла комбинезон.

Примерно в это же время похожие телефонные звонки получили еще несколько человек, и все они, побросав свои дела, спешили на зов. Хозяин собирал бригадиров на производственное совещание, а это означало, что у него на примете есть очередное выгодное дельце.

Глава 5

Щедрое солнце, пробиваясь сквозь переплетение виноградных лоз, светлыми пятнами ложилось на каменные плиты, которыми был вымощен двор, и на выскобленные добела доски длинного, вкопанного в землю стола. Его лучи отражались от расставленной по столу немудреной посуды, и солнечные зайчики весело дрожали на оштукатуренной стене дома и на сложенном из неотесанного местного камня заборе. В свежем воздухе вкусно пахло жарящимся на углях мясом, дымком и недавно вскопанной жирной, плодородной почвой. Большая, оплетенная лозой бутыль с домашним вином, описав круг, вернулась во главу стола; солнце, пройдя сквозь полные стаканы, зажгло в их глубине рубиновый огонь.

Сидевшие вдоль стола мужчины, числом пять, хоть и не являлись родственниками, были похожи, как братья – если не как родные, то, по крайней

мере, как двоюродные. Высокие и коренастые, густоволосые и щеголяющие загорелыми лысынами, бритые и бородатые, все они были смуглы, черноволосы и темноглазы. Двое носили полные комплекты полевого армейского камуфляжа, вплоть до высоких ботинок натовского образца, а остальные трое ограничились какой-нибудь одной деталью туалета, размалеванной черно-коричнево-зелеными камуфляжными разводами. На бедре у каждого висела потертая кожаная кобура, откуда выглядывала рукоятка пистолета, а один из участников этого застолья и вовсе явился в гости с автоматом, который в данный момент скромно стоял в сторонке, прислоненный к стволу персикового дерева. Хотя имена этих людей не числились в списках личного состава ни одной из существующих ныне армий, оружие они носили, не скрываясь. Натовские миротворцы теперь редко заглядывали в здешние края, а когда заглядывали, старались не высовывать носа из-за брони – это было небезопасно, а они больше всего на свете дорожили своими драгоценными, высокооплачиваемыми шкурами.

Женщина в черном бесформенном платье, до самых глаз укутанная темным платком, бесшумно ступая, не поднимая глаз, приблизилась к столу и водрузила посередине большое деревянное блюдо с дымящейся, сочащейся прозрачным жиром бараниной.

– Ступай, – сказал ей один из сидевших за столом мужчин, одетый по-домашнему – в камуфляжные бриджи, линялую клетчатую рубашку на голое тело и опорки резиновых сапог, в сочетании с которыми пистолетная кобура смотрелась довольно-таки странно. – Нам надо поговорить.

Женщина удалилась так же бесшумно, как и пришла, но ее муж, новый хозяин этого покинутого сербскими беженцами дома, не спешил начинать разговор, поскольку первую скрипку здесь играл вовсе не он.

Мужчины молча выпили вина и принялись за мясо, изредка выжидательно поглядывая на своего вожака – гладко выбритого человека лет сорока, в котором даже опытный физиономист ни за что не признал бы того самого ловкача, который под видом Слободана Драговича расстрелял в гостинице «Россия» итальянского чиновника Манчини. Длинных волос, бороды, усов и шрама на левой щеке как не бывало; исчезла даже характерная горбинка, некогда придававшая его носу неотличимое сходство с носом покойного Драговича. Он ел быстро, но аккуратно, запивая мясо вином и за отсутствием такой роскоши, как салфетки, вытирая жирные пальцы носовым платком. Его

земляки и коллеги были людьми попроще и потому использовали для той же цели собственную одежду, благо на пестром камуфляжном фоне жирные пятна почти не выделялись.

Из дальнего угла двора за едоками наблюдала лохматая дворняга. Она лежала на земле под розовым кустом, то и дело нетерпеливо перебирая лапами, нервно зевая и поскуливая. Со свисавшего наружу из открытой пасти розового языка на землю прозрачной струйкой стекала слюна: собаку сводил с ума запах жареного мяса, но подойти к столу она боялась, поскольку хорошо видела оружие и прекрасно знала, что это такое. Она была одной из немногих своих сородичей, кому удалось пережить боевые действия в этой местности, а такой опыт способен сделать мудрым даже самого глупого пса.

Утолив голод, мужчины закурили. Пока что за столом не прозвучало ничего, кроме неопределенных междометий и ни к чему не обязывающих высказываний о погоде, но все знали, что собрали их здесь не просто так, а по делу. Это радовало; в прошлом все они владели разными профессиями, занимались разными делами, но, когда аллах вложил в их руки оружие, поняли: вот это и есть то, ради чего они родились. Активных боевых действий пока что не предвиделось – мешали миротворцы, – и прирожденные убийцы, собравшиеся за этим столом, успели основательно соскучиться по любимому делу.

– Есть новая информация из Москвы, – негромко произнес вожак, затянувшись длинной коричневой сигаретой.

– Твой друг в Москве стоит тех денег, которые ты ему платишь, – заметил кто-то из сидевших за столом, и все остальные негромко, пренебрежительно рассмеялись. Так смеются над своими лакеями не слишком умные, сами совсем недавно выбившиеся из лакеев хозяева; так смеются урки в лагерном бараке, наблюдая за тщетными попытками новичка сойти за своего и одновременно угодить всем и каждому, от пахана до последнего шныря, между которыми бедняга пока не видит существенной разницы.

– Это верно, – сказал вожак. – На самом деле он стоит больше, но сам об этом не догадывается.

Участники застолья снова рассмеялись. Услышав смех, свидетельствовавший о хорошем расположении духа, собака под розовым кустом нервно зевнула,

потянулась, далеко выбросив передние лапы, и переместилась на несколько сантиметров ближе к людям. Потом нерешительно приподнялась, нюхая напоенный сытным мясным ароматом воздух, потопталась на месте и, поджав хвост, вернулась в углубление под кустом – страх перед оружием оказался сильнее голода, да и не так уж она была голодна, чтобы рисковать жизнью ради пары обглоданных бараньих ребрышек.

– Так что поведал тебе твой московский друг, уважаемый Золтан? – спросил хозяин дома, густо дымя сигаретой и сквозь дым с пытливым прищуром глядя на вожака.

– Он подтвердил прежнюю информацию, – сказал Золтан. – Наш замысел не дал ожидаемого эффекта. Русским удалось замять скандал. Думаю, у них бы ничего не вышло, если бы этого не хотели сами итальянцы.

– Клянусь аллахом, я не понимаю неверных, – задумчиво произнес коренастый бородач с обширной лысиной на макушке. – Этот Берлускони – разве он не такой же человек, как все? Конечно, положение не позволяет ему поехать в Москву и застрелить Путина, но продолжать вести с ним дела, как будто ничего не случилось... Нет, этого я не понимаю!

– Поэтому ты сидишь здесь, и твои штаны прохудились сзади, а Берлускони возглавляет кабинет министров, – ответил ему Золтан. – Большая политика глуха к голосу крови, запомни это на будущее. Мы допустили ошибку, но ее еще не поздно исправить.

– Ты опять об этой выставке? – пренебрежительно уточнил бородач, положение которого позволяло ему говорить с Золтаном почти на равных.

– Да, – терпеливо подтвердил Золтан, – именно о ней. Пойми, уничтожив того итальянца, мы нанесли обиду Берлускони, который обязан хотя бы делать вид, что ставит интересы страны выше своих личных. Это могло сработать, но не сработало. А если мы сумеем уничтожить эту груду испачканного краской полотна, кровная обида будет нанесена всей России...

– Ты уже говорил об этом, – перебил Золтана разговорчивый бородач. Остальные молчали, прислушиваясь к спору, и по их лицам было невозможно понять, к какому из двух мнений они склоняются. – И я с тобой не спорил. Не спорю я с

тобой и сейчас. Но скажи, во имя аллаха, зачем снова обсуждать то, что уже решено? Перехватить в горах один несчастный грузовик, облить его бензином и поджечь – да с такой работой любой из наших людей способен справиться в одиночку!

– Я не совсем с тобой согласен, – ответил Золтан. – Зато русские, похоже, думают точно так же, как ты.

– Они отменили выставку? Тем лучше! Сэкономим десяток патронов.

– Выставку не отменили, и сэкономить патроны нам вряд ли удастся. Дело в том, что картины решено отправить морем.

Бородач озадаченно поскреб лысину.

– Морем?

– Здесь что, эхо? – спросил Золтан. – Да, вот именно, морем! Из России через Украину до Одессы, а оттуда морем до самого Пьомбино. Никаких таможен. Никаких гор. Никаких перевалов. Никаких засад. Очень удобно и почти совершенно безопасно. Средиземное море полностью контролируется военными кораблями НАТО. Теоретически мы можем проскочить мимо них на рыбацких лодках или быстроходных катерах и попытаться захватить русское судно, но этот вариант может рассматриваться только в качестве запасного.

– По-моему, это вообще не вариант, – задумчиво пробормотал бородач.

– А что ты предлагаешь?

– Отказаться от этой затеи.

– Отказаться?! Хорошо, давай откажемся. В самом деле, в Риме и так навалом картин. Что изменится, если их станет немного больше? Только учти, что вслед за картинами, как правило, едут дипломаты, за дипломатами – промышленники и торговцы, а позади них незримо, но неотлучно присутствуют военные. Ты и оглянуться не успеешь, как прямо здесь, – Золтан с силой постучал указательным пальцем по крышке стола, – на этом самом месте, всем будут

распоряжаться русские миротворцы. Ты знаешь, на чьей стороне их симпатии, и можешь не сомневаться: когда хозяин дома, в котором ты сейчас живешь, вернется и захочет перерезать тебе глотку, они отвернутся и подождут, пока он закончит.

Бородач с силой провел ладонью по лысине, как будто пытаюсь пригладить несуществующие волосы.

– Все это мне известно, – с горечью сказал он, – но я не вижу, что тут можно сделать. Поверь, я не трушу. Я готов выйти в море и попытаться перехватить или даже утопить русский корабль, но что получится из этой затеи, известно одному аллаху.

– Повторяю, нападение на корабль может рассматриваться только в качестве запасного варианта, – жестко произнес Золтан. – И дело даже не в натовских кораблях, которым давно уже стало тесно в Адриатике. Дело в том, что гибель картин в море спишут либо на несчастный случай, либо на нападение пиратов – скорее всего албанских. Картины нужно уничтожить на итальянской территории.

Бородатый с сомнением покачал головой. Хозяин дома никак не выразил своего отношения к этому безумному плану: он задумчиво смотрел в свой пустой стакан, любясь игрой солнечных лучей в стеклянных гранях. Строить планы и прогнозировать развитие ситуации он не привык; он хорошо умел стрелять, отменно управлялся с ножом и мог толково, хладнокровно командовать небольшой группой даже в самых сложных боевых условиях. Поэтому в данный момент он просто ждал, к какому решению придут умные головы. Ему было безразлично, что жечь: грузовики с картинами, пустующие дома или автобусы с живыми людьми, лишь бы это было одобрено командирами, шло на пользу будущей великой Албании и способствовало росту его личного благосостояния. Красивыми словами он никогда не прикрывался, поскольку просто не умел их произносить и не понимал, зачем это нужно: кровь всегда кровь, деньги всегда деньги, как их ни назови, а правых и виноватых рассудит на том свете всемогущий Аллах.

– Действовать на итальянской территории нам еще не приходилось, – выражая общее мнение, осторожно заговорил бородач. – Если русские отправляют выставку морем, значит, они что-то заподозрили. Думаю, они поделятся своими опасениями с итальянцами, и те прямо в порту возьмут грузовик под усиленную

охрану, мимо которой муха не пролетит. Нет, уважаемый Золтан, твоя затея кажется мне безнадежной. Мы только зря потеряем людей и погибнем сами, а потом нас посмертно обвинят в терроризме, и тогда миротворцы – неважно, натовские или российские, – войдут в каждый дом, отсюда и до самой границы с Грецией. Разве это будет хорошо для нашего народа? Нас не просто выбросят из Косово и Метохии; чужие танки будут стоять на улицах Тираны, и чужие солдаты будут бесстыдно заглядывать нашим женам под платки. Ты этого хочешь, уважаемый Золтан?

– Ты не можешь знать, чего я хочу, – надменно ответил Золтан, – зато я отлично вижу, чего хочешь ты. Ты хочешь сидеть под лозой, запивать баранину молодым вином и, похлопывая себя по животу, рассказывать женщинам, какой ты герой. Чаша поражения горька, но бывают люди, чей желудок просто не в состоянии переварить победу.

Коричневые кулаки бородача сжались так, что побелели костяшки.

– Уважение, которое я испытываю к тебе, – прожигая Золтана свирепым взглядом из-под насупленных бровей, сквозь зубы процедил он, – не дает тебе права меня оскорблять.

– А это было оскорбление? – преувеличенно изумился Золтан. Его правая рука уже давно лежала не на столе, а на бедре, поближе к расстегнутой кобуре. – Мне казалось, что я всего лишь излагаю твою собственную точку зрения. Кто хочет сделать дело, ищет для этого способы; кто не хочет – ищет причины, чтобы ничего не делать. Но если я ошибся, прошу меня извинить. Мы пришли сюда не для того, чтобы ссориться, и я последний, кто хотел бы тебя обидеть.

– Ты знаешь, что я хоть сейчас готов идти в бой, – понемногу остывая, проворчал бородач. – Я не боюсь умереть, но должна же быть от моей смерти хоть какая-то польза! Ты держишься так уверенно, как будто видишь яркий свет там, где остальные беспомощно блуждают в кромешном мраке.

– Имеющий глаза да увидит, – сказал Золтан. – Ведь на самом деле все очень просто! Я не предлагаю объявить войну Италии и взять штурмом Пьомбино. Наши люди должны въехать в Италию в кабине грузовика с картинами, только и всего.

Люди за столом зашевелились, слышались удивленные возгласы.

– Если уже на корабле выставку будут сопровождать не российские водители, а наши люди, – продолжал Золтан, – им не составит никакого труда начинить машину взрывчаткой. Очутившись на итальянской земле, они приведут взрывное устройство в действие и постараются уйти как можно дальше, прежде чем оно сработает. Итальянцы обвинят русских в неспровоцированном теракте, а русские потребуют вернуть им в целости и сохранности выставку, стоимость которой не поддается оценке. Вернуть картины итальянцы не смогут, поскольку те давно развеются по ветру с дымом, а русские не смогут доказать, что взрыв – не их рук дело. Русский грузовик с русскими водителями, приплывший из России на русском корабле... Ведь не Аллах подложил в него взрывчатку, верно?

– Ха! – просияв, воскликнул бородач, но тут же снова впал в задумчивость. – А как наши люди попадут в кабину грузовика?

– Я думаю, проще всего это будет сделать в украинском порту, – сказал Золтан и, вынув из планшета карту, расстелил ее на столе. – В дороге они вряд ли станут останавливаться и наверняка будут вооружены. Трасса там оживленная, проходит по открытой местности, так что незаметно завладеть машиной нам не удастся. К тому же их скорее всего будет сопровождать полицейский эскорт. Зато в порту им так или иначе придется провести от нескольких часов до нескольких суток. Порт торговый, охраняется слабо. Значит, наша задача сводится к тому, чтобы тихо, не поднимая шума, проникнуть на территорию порта и убрать двоих водителей. По-моему, это совсем несложно. Взгляните, это вот здесь.

Золтан ткнул в карту кончиком ножа. Четыре головы склонились над картой, чтобы прочесть название места, избранного их предводителем для проведения дерзкой операции. Острие ножа упиралось в маленький кружок на побережье Черного моря, недалеко от Одессы, помеченный условным изображением якоря и надписью «Ильичевск».

* * *

До открытия бильярдной оставалось еще почти четыре часа, но небольшая стоянка, специально оборудованная для посетителей, была полна машин. Немного в стороне, у бортики тротуара, прямо под знаком «Остановка

запрещена», стояла броская черно-белая «девятка» дорожно-патрульной службы с гербом города Одессы на капоте и передних дверцах.

Двери заведения были заперты, пластинчатые металлические шторы опущены, преграждая доступ в помещение не только дневному свету, но и нескромным взглядам прохожих. Внутри, в искусственном полумраке, разбавленном светом ярких ламп под продолговатыми, отдаленно напоминающими гробы абажурами, негромко переговаривалась, от нечего делать лениво катала по зеленому сукну разноцветные шары, курила и попивала выставленный хозяином коньяк довольно пестрая публика. Людей было не так много, человек восемь, от силы десять; общее внимание привлекал милицейский китель с блестящими пуговицами и нашивками, перекрещенный белой портупеей, легко различимый даже в полумраке. Леща здесь хорошо знали и все-таки побаивались.

Лещ сидел в углу, мрачно курил и подливал себе коньяку, хотя был мало того, что на дежурстве, так еще и за рулем. В темноте за пределами световых конусов вспыхивали огоньки сигарет, табачный дым слоями плавал под лампами, откуда-то доносился негромкий, монотонный гул вытяжной вентиляции. Кондиционер пока не включали – сэкономили моторесурс в ожидании летней жары, – и в помещении было душновато. Время шло; Лещ, которого в любую минуту могли вызвать по рации, начинал нервничать и поглядывал на часы.

Наконец тяжелая портьера в дальнем углу просторного помещения шевельнулась, и на ее темном фоне возник человек в светлом полотняном костюме. Внешне хозяин бильярдной немного напоминал писателя-сатирика Михаила Жванецкого, разве что был помоложе и стройнее. Звали его Львом Борисовичем; помимо этой бильярдной, он содержал еще немало всякой всячины, владел кое-какой недвижимостью, исправно платил со всего этого добра налоги и числился в уважаемых, солидных бизнесменах.

– Приветствую вас, господа, – сказал он в мгновенно наступившей при его появлении тишине. – Все собрались? Да, вижу, что все. В таком случае перейдем непосредственно к делу.

Отведя руку в сторону, он щелкнул пальцами, и кто-то почти невидимый в полумраке подал ему широкий круглый бокал, на дне которого темным янтарем поблескивал и переливался коньяк. Лещ, у которого вдруг окончательно испортилось настроение, подумал, что коньяк в бокале у Льва Борисовича наверняка хороший, дорогой, а не то свиное пойло, которым он всегда угощает

своих помощников.

– Есть работенка, – продолжал Лев Борисович, пригубив коньяк и поставив бокал на зеленое сукно бильярдного стола. – Причем такая, какой мы до сих пор еще ни разу не имели.

Этого он мог бы и не говорить, поскольку сам факт одновременного присутствия всех этих людей на данном совещании являлся беспрецедентным. Кое-кто из них до сегодняшней встречи даже не подозревал, что все они работают на одного человека и являются частью одной команды. Значит, намечалось что-то воистину небывалое.

– Хочу сказать вам сразу, друзья мои, – говорил между тем Лев Борисович, – что дело это сулит очень солидную прибыль. И, как всякое прибыльное дело, связано с риском. Поверьте, я не шучу. Там может быть горячо. Очень горячо. – Он снова приложился к бокалу и обвел присутствующих внимательным взглядом из-под припухших, словно от хронического недосыпания, век. – Поэтому, пока я не сказал ничего конкретного, любой из вас имеет право отказаться от доли и покинуть помещение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/voronin_andrey/slepoj-obratnoy-dorogi-net

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)